

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 13

1968

Элберт КАРР

ВАШИНГТОНСКОЕ УБИЙСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 13

Элберт КАРР

ВАШИНГТОНСКОЕ УБИЙСТВО

П О В Е С Т Ъ

Перевод с английского С. Митиной

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1968

Элберт КАРР

Элберт Карр родился в 1902 году в Чикаго. В 1921 году окончил Чикагский университет, а в 1926 году — Колумбийский, получив ученую степень магистра гуманитарных наук; учился также в Лондонской школе экономики.

С начала 30-х годов сотрудничает в нескольких американских журналах. Во время и после второй мировой войны работает в качестве эксперта в различных организациях и принимает участие в ряде правительственных миссий.

Среду, описываемую в публикуемом нами детективе, автор знает не понаслышке. Занимая на протяжении многих лет высокие посты в государственном аппарате, он имел возможность основательно изучить нравы политической и дипломатической элиты США, которые и показал в своей разоблачительной повести.

Глава I

БОЛЬШОЙ САЛОН

Уже у входа в большой салон Сара Бэртон на какой-то момент пожалела, что пришла. Доносившиеся из-за двери звуки — возбужденные голоса, чересчур громкий смех, тоненькое позвякивание льда о бокалы с коктейлями — действовали ей на нервы. В холле она последний раз машинально оглядела себя в зеркало и увидела именно то, что хотела, — непроницаемую маску: выражение лица в меру оживленное, серые глаза смотрят спокойно, высокий лоб; чуть прикрытый темными вьющимися волосами, безмятежно гладок, на макушке — немыслимая парижская шляпка. Она решила, что защищена вполне надежно, словно все это — и затейливая шляпа, и ровный, естественный загар, и изящное черное платье — не что иное, как искусно раскрашенный камуфляж.

— Сара, дорогая моя!

Унизанной перстнями рукой Этель Чивер стиснула ее пальцы, и Сара вежливо улыбнулась в ответ.

— Я так удивилась, когда ты позвонила мне, и до того обрадовалась! Все будут в восторге. Только сегодня утром мы с Джерри говорили: когда же наконец Сара придет!

Внезапно хозяйка дома сменила светский тон на интимную

женскую воркотню и, сокрушенно покачивая стареющей головой с огромной шапкой ярко-рыжих волос, снова, на сей раз с большей теплотой, сжала Сарину руку.

— Господи, боже мой!.. Ну что сказать о несчастье с Томом? Скоро уже полгода, а я всякий раз содрогаюсь от ужаса, стоит мне об этом подумать...

Миссис Чивер снова источала светское обаяние, выработанное многолетней практикой; ее вкрадчиво-лицемерная речь струилась, словно вода из крана:

— А ты хорошо выглядишь, Сар. Как тебе нравится мой парик? Чудной, правда? Но, знаешь ли, в моем возрасте так хочется почудить. И потом он очень удобен для приемов: гости в любой момент могут меня разыскать. Ты остаешься на поздний ужин?

Вопрос был задан так неожиданно, что Сара замешкалась. А миссис Чивер все говорила и говорила:

— Пока тебя не было в Вашингтоне, я раздобыла сущее сокровище — это Пиланг, мой второй шеф-повар. Он готовит изумительные восточные блюда, все от них в восторге. Ах, да, ведь ты же сама бывала в тех краях, так что тебя поразить трудно. Как я тебе завидую: молодая, можешь разъезжать по всему свету, смотреть все, что захочешь, задавать политикам каверзные вопросы и постоянно видеть свое имя в газетах!

Едва переведя дыхание, миссис Чивер снова зачастила:

— Но все-таки мы с Джерри провели зиму изумительно. В Патагаве¹. Там у Джерри ранчо — это что-то сказочное, ты знаешь? Мы там не были много лет. Но теперь его старый друг, генерал Сильвестре, снова у власти. Милочка, как нас принимали! Ты представить себе не можешь, как эти латиноамериканцы умеют ублажать гостей. Только одно было плохо — их климат просто ужасен для моей астмы. Все ночи напролет в груди у меня хрипело, я жила только на адреналине. Но что ж это я тебя задерживаю, ведь столько народу, наверно, захочет тебя повидать. А вот и Барби! Что-то она бледная, ты не находишь? Барби, Сара вернулась!

Сара приветливо поздоровалась с внучкой Чиверов, в высочайшей светловолосой девушкой лет девятнадцати, которую можно было бы назвать красивой, если бы не вялые движения и застывшее на лице выражение скуки. При виде Сары в глазах ее мелькнул огонек.

— Наконец-то хоть одно человеческое лицо! — воскликнула Барби. — Вот кого я действительно рада видеть! Где вы так чудно загорели? Давайте выберемся из толпы — по сравнению со всеми этими типами даже девицы из нашего колледжа ка-

¹ Название страны — вымышленное (прим. перев.).

жутся светилами. Прошлой осенью я поклялась: больше на бабушкины приемы ни ногой, и все-таки я опять здесь...

— Барби! — со смехом прервала ее миссис Чивер. — Я прощаю тебе то, что ты грубишь моим гостям, но зачем же называть меня бабушкой! И чему их сейчас учат в колледжах? Только не хорошим манерам. — С металлической ноткой в голосе она добавила: — Что это у тебя, еще один martini?

Девушка оглядела свой бокал так, словно только что увидела его.

— Да, *Этель*, совершенно верно — еще один martini. — И, повернувшись к Саре, сказала: — Как только вы сможете, давайте где-нибудь сядем и поговорим, очень вас прошу. А то тут полным-полно старых развратников и потаскух, стоит чуть-чуть зазеваться, и обольешь коктейлем какого-нибудь там генерала, или сенатора, или собственную мамочку, или еще кого-нибудь.

И Барби отошла.

Глядя ей вслед, миссис Чивер покачала головой.

— Ох, эта девочка! У нее сейчас весенние каникулы, и она гостит у нас: не ладит с матерью. Никки тоже где-нибудь тут. Между ними такое соперничество! По-моему, это не дело, чтобы мать и дочь были в таких отношениях, как ты считаешь? Но эти современные девицы, до чего они трудные! Я никогда не знаю, что Барби скажет в следующую минуту. Сейчас она очень переживает, у нее был неудачный роман, потому она такая колючая, но вообще-то она славная девочка, ты же знаешь. И фигурка у нее прелестная, правда? Она выше матери, и бюст не такой огромный.

Насилу дождавшись паузы, Сара спросила:

— А что, Керк Норвин здесь?

— Он где-то тут. Ты хочешь с ним поговорить? Попробую его разыскать. Такая уйма народу — сегодня у нас человек двести.

Окинув взглядом большой салон, у дверей которого они стояли, Сара заметила среди гостей много смуглых военных в броских мундирах. Из сада до нее донеслась испанская мелодия — кто-то умело наигрывал на гитаре.

— Мы по-прежнему культивируем наши латиноамериканские связи, — пояснила Этель Чивер. В слово «мы» она умудрилась вложить двоякий смысл: оно должно было означать и семейство Чиверов и правительство Соединенных Штатов. Ибо миссис Чивер была твердо убеждена — пусть даже другие и не разделяли этой уверенности, — что приемы свои она устраивает в качестве неофициальной представительницы государственно-го департамента.

Но если знаменитые званые вечера Этель Чивер и не были, строго говоря, ценным вкладом в американскую дипломатию,

все же для многих важных персон в Вашингтоне они служили приятным развлечением, а кто еще, кроме Этель, мог позволить себе закатывать такие роскошные приемы?

На сей раз она щеголяла в одном из своих знаменитых нарядов, о которых так часто писали в прессе: брюки в обтяжку из переливчатой золотой парчи обрисовывали ее стройные ноги, а длинный свободный жакет из той же материи скрадывал все, что было менее совершенного в ее фигуре. Отражая свет люстр и бра, костюм сверкал, словно начищенные доспехи.

Этель быстро обшарила зал своими пронзительными блестящими глазами, и взгляд ее остановился на рослом, плечистом человеке.

— Да вон он, с министром юстиции говорит, Всегда ищи Керка рядом с самым высокопоставленным из гостей. По-моему, он все еще влюблен в тебя. Ты не собираешься за него замуж?

Сару ее вопрос не удивил.

— Нет,— ответила она просто.

— Жаль,— вздохнула Этель.— А то можно было бы посплетничать всласть! Смотри, не промахнись, Сар. Тебе известно, что он ушел из государственного департамента? Решил ехать к себе на Запад, баллотироваться в сенат. Честолюбив донельзя. Джерри считает, что он своего добьется. Если учесть, как долго он тебя дождался, ты, пожалуй, перед ним немножко в долгу, тебе не кажется? Ладно, не утруждай себя ответом, это я просто так, в шутку. Только вот что, Сар. Прежде, чем мы войдем, я должна тебя предупредить: тут насчет тебя идут кое-какие разговоры, не слишком лестные.

Сара бросила на нее безразличный взгляд.

— Ну, это насчет того,— заторопилась Этель Чивер,— что ты не приехала на похороны Тома. Прошел слух, что перед самым твоим отъездом у вас с Томом чуть не дошло до разрыва.

— Это неправда, Этель.

— Разумеется. Но ты же сама знаешь, как Вашингтон обожает сплетни. Мне, например, довелось слышать, что ты с ним порвала из-за...— ты только не сердись, дорогая,— из-за моей невестки.

— Из-за Никки? — Сара едва сдержала улыбку.— Этель, мы с Томом любили друг друга. Эта его история с Никки кончилась еще до того, как мы поженились.

— Серьезно, Сар? А ведь мы все видели их своими собственными глазами — тогда вечером, в саду...

— Что ж, я хорошо это помню, еще бы! В тот вечер Том выпил лишнего, Никки воспользовалась случаем и полезла его целовать — нарочно у всех на виду. Конечно, я была взбешена, но мы с ним все это обговорили и помирились до моего отъезда.

Этель только вздыхала в ответ и удрученно качала головой, так что тряслись сизоватые мешочки у нее под глазами.

— О господи, какая досада!.. Это я не о Никки — все знают, что, когда дело доходит до брюк, она сущая разбойница. И зачем ей только понадобилось женить на себе моего сына — ну, да ладно, я не о том... Какая досада, что мы всего этого не знали раньше!.. Понимаешь, когда ты не явилась на похороны...

И она сделала вид, что не в силах совладать со своим волнением.

После короткой заминки Сара сказала ровным голосом:

— Когда пришла телеграмма о Томе, я была в Дамаске, лежала в больнице со сломанной ключицей и вся в синяках. Я попала в Сирию в разгар антиамериканских волнений, и мою машину перевернули вместе со мной.

— Да что ты говоришь! А мы понятия не имели.

— В газетах об этом ничего не было. Как раз в тот момент я засекала интереснейший материал, и, чтобы не упустить его, мне лучше было не поднимать шума. Именно тогда и пришла телеграмма о Томе. Я поднялась с кровати, упала, вывихнула ту же ключицу, и тут со мной случился шок — так мне по крайней мере потом сказали. Когда я очнулась, то лежала в постели в сильном жару. Один из сирийских врачей запросил телеграфом мою газету, нельзя ли отложить похороны до моего возвращения. Они ответили, что, когда смерть наступает от столбняка, кремацию лучше не откладывать, и не буду ли я возражать, если панихида состоится в назначенный день, — Керк так советует, а когда я вернусь, можно будет отслужить другую панихиду. Так что я им телеграфировала, чтобы они действовали без меня.

— О господи! — воскликнула Этель. — Тогда все ясно. Ведь мы знали о тебе только то, что нам сообщили в твоей редакции, а они сказали, что связались с тобой и что сейчас ты вернуться не можешь. Вот мы все и решили, что ты на Тома в обиде.

Она горестно развела руками — засверкали бриллианты на перстнях, тихонько звякнули усыпанные драгоценными камнями браслеты.

— Да, Сар, но почему же ты не приехала сразу, как только вышла из больницы? Ведь тут у тебя была масса дел — всякие практические вопросы.

— Все эти практические вопросы — наследство и тому подобное — уладило за меня информационное агентство, где работал Том. У него с ними был контракт: все, что он у них печатал, и все его архивы принадлежат им, так что мне тут делать было нечего. Чего же ради было мне приезжать? Моя газета предложила, чтобы я осталась за границей в качестве специального

корреспондента, а мне работа была просто необходима. Я должна была полностью взять себя в руки, прежде чем возвращаться в Вашингтон. Ведь это нетрудно понять.

Вдруг Сара почувствовала, что слова ее могут быть истолкованы как попытка оправдаться, и внезапно умолкла, раздраженно нахмутив брови. Потом спросила:

— Как бы это нам попасться на глаза Керку?

— А мы сделаем проще,— сказала Этель и звучным голосом выкрикнула: — Керк!

Крепко сколоченный молодой человек с преждевременными морщинами на лице тотчас же обернулся и, невнятно извинившись перед собеседником, опустил свой бокал на поднос и торопливо направился к ним.

— Сар! Вот ты и вернулась!

Он взял ее руки в свои.

— Налей ей чего-нибудь, Керк. А я поищу Джерри. То-то он обрадуется!

Этель вихрем помчалась через зал, и парик ее пламенел, как сигнальный огонь.

— Ты не сообщила в телеграмме, каким самолетом летишь. А то бы я встретил тебя в аэропорту,— посетовал Керк.

— Вовсе незачем было тебя беспокоить. Я позвонила Этель, переделалась с дороги и сразу поехала сюда.

Он оглядел ее с головы до пят — тщательно, вдумчиво.

— Ты похудела. Лицо стало... ну как бы это сказать... тонкое. Прямо точеное. Но ты, как всегда, прелестна. Мне нравится твоя прическа. Кажется, это называется «поэтический сумбур»?

Но Сара словно не слышала его.

— Вот что, Керк. На прошлой неделе, когда я добралась до Гонконга, меня там ждало письмо. От Тома.

— От Тома?

Керк недоверчиво посмотрел на нее.

— Вот именно,— подтвердила она спокойно.— Он написал мне дня за два до смерти. Письмо шло за мной чуть ли не полгода, через всю Азию. Дело, видимо, в том, что я нигде не задерживалась надолго, и оно никак не могло меня нагнать.

Керк молчал. Между бровями у него пролегла чуть заметная складка.

— Том писал мне, что напал на след одного очень важного материала, что в истории этой замешан один из наших друзей, дело крайне неприятное, и чтобы я не удивлялась, когда до меня дойдут об этом слухи.

Помедлив немного, Керк спросил:

— И он этого друга назвал?

— Ну, об этом я предоставляю тебе догадываться самому. Во всяком случае, сопоставив письмо с тем, что его уже... в общем, со всем случившимся, я основательно призадумалась.

— Понятно.

Керк снова посмотрел на нее долгим взглядом.

— У меня и у самого возникли кое-какие подозрения.

— Вот как? Почему же ты ничего мне не сообщил?

— Фактов-то у меня не было. Ну, просто так,— сомнения, что ли.— Он еще сильнее нахмурился и теперь глядел на Сару довольно сердито.— Да и потом, я решил, вряд ли стоит тебе докучать.

— Ох, Керк, и ты туда же!

— А чем я, собственно, виноват? Когда ты наконец стала писать мне, письма твои были такие — ну, сухие, холодные, деловые, иначе не скажешь.

Она поежилась.

— Сколько раз я пробовала описать тебе, что у меня на душе. И ничего у меня не выходило — слова, слова. В конце концов я и пытаться перестала. Да и что тут можно сказать? Я любила Тома, а его уже нет. И точка.

Керк раздраженно пригладил мальчишеские вихры, странно контрастировавшие с его озабоченным лицом.

— Что же заставило тебя вернуться сейчас? Письмо Тома?

Она помедлила. Потом сказала:

— Я все-таки не могу до конца разобраться: что же случилось в тот вечер? В вырезке, которую мне прислали из редакции, сказано только, что Том оцарапался в саду у Чиверов о розовый куст и заболел столбняком. Я так и не поняла, почему помощь не была оказана своевременно, но мне оставалось одно — смириться с фактом. Я чувствовала себя — ну, как тебе объяснить — совершенно пустой. И все-таки в этой пустоте все время шевелилось что-то... Какое-то сомнение... А когда я получила его письмо, то вдруг...

Она замялась.

— Ты решила, что это не был несчастный случай,— сказал он напрямик.

— Просто я хочу во всем удостовериться сама.

— Что же ты надеешься разузнать? Ведь прошло уже столько времени!

— Сама не знаю. Но я должна сделать все, чтобы выяснить, что же все-таки произошло. Должна, понимаешь? — Она уже не говорила, а кричала. На них стали оборачиваться, и Керк предостерегающим жестом коснулся ее руки.— Я подумала: если приеду сегодня к Чиверам, то смогу повидать всех разом. Ты мне поможешь?

— Конечно, помогу. Если только вообще что-нибудь можно сделать. Откровенно говоря, я даже не представляю себе, с чего начать. Я думал об этом все ночи напролет, и кое до чего додумался. Но что касается доказательств...— Он пожал плечами.— Где письмо Тома? Пожалуй, начнем с него.

— Оно у меня с собой.— Сара потрогала свою черную сумочку.— Я тебе его потом покажу.

Тут на плечи ей легли чьи-то руки, и густой бас у нее за спиной прогудел:

— Добро пожаловать, Сара Бэртон!

Высокий, красивый седоволосый человек в спортивных брюках и в куртке явно от другого костюма обнял ее — не совсем по-родственному — и крепко поцеловал в щеку.

— Привет, Джерри! — сказала она с улыбкой.

— Что это ты собираешься показать Керку? Я подслушал. Надеюсь, такое, что можно и мне посмотреть?

Смех его прозвучал с неподдельной сердечностью, с этакой заразительной веселостью мальчугана, восхищенного собственным остроумием.

— Письмо от Тома, — ответила Сара, оставив без внимания хмурый, предостерегающий взгляд Керка.

У Джерри Чивера сразу стало серьезное лицо.

— Сара, — проговорил он, — передать тебе не могу, до чего эта история меня потрясла и как тяжело у нее переживал.

Он удрученно покачал массивной головой.

— Мне бы хотелось поговорить с тобой, Джерри, когда у тебя выдастся свободная минутка, — сказала Сара.

— Ради бога, в любое время. Но послушай, сперва тебе надо выпить. Сейчас мы это устроим. Шотландское виски, как обычно, правильно я говорю?

Керк фыркнул:

— Лучшая в мире память по части того, кто что пьет.

— Не смейся надо мной, мой мальчик. Когда я был послом, это считалось главным моим достоинством — наряду с миллионными Этель. А кроме того, в доме, где потребляют только «Бурбон»¹, человек, пьющий шотландское, — белая ворона. — Он сделал знак одному из лакеев, обходивших гостей, снял с переполненного подноса стакан и подал его Саре. — Как видишь, у нас по-прежнему людно: вертимся, словно белка в колесе, — добавил он с насмешливым цинизмом. — Сам не пойму, почему мы все это не бросим.

— Я все жду, что тебя пригласят в Белый дом и предложат

¹ Марка виски (прим. п е р е в.).

министерский портфель или что-нибудь в этом роде,— сказала Сара.

— Никаких шансов,— весело возразил Чивер.— Этель, правда, еще надеется, но для этих ребят там, наверху, я почему-то «персона нон грата». Даже не знаю, в чем тут дело. Вот Керк, пожалуй, мог бы мне объяснить—государственному департаменту все известно. Но выудить что-нибудь из Керка трудней, чем открыть бумажкой банку сардин. И потом, откровенно говоря, какие у меня для этого данные? Деньги моей жены? Но богатых людей у них и так полно. Нет, я себя не обманываю. Мы ведем такой образ жизни просто потому, что привыкли, нам обоим так нравится, особенно Этель. Ведь в этом ее жизнь. Если уж ей не удастся попасть моими стараниями в заголовки политических статей, то, угощая всех и вся, она фигурирует хотя бы в светской хронике.

Он рассмеялся и пожал плечами.

Стоявшая неподалеку дама заговорила с Керком, и Сара, отпив глоток виски, тотчас же обратилась к Чиверу:

— Джерри, а мы не могли бы потолковать сейчас, как ты считаешь?

— Сейчас? Вот сию минуту?

Во взгляде его засветилось любопытство.

— Я понимаю, момент неудачный, но ничего не поделаешь. Может быть, это мой единственный шанс. Я должна знать все, Джерри. Как на твой взгляд, в обстоятельствах смерти Тома не было ничего загадочного?

— Загадочного? Нет,— сказал он и, подумав, повторил: — Нет.

— Мог бы ты мне рассказать точно, как все это произошло? Может, выйдем куда-нибудь?

— Ну ладно, раз тебе так хочется...

— Если только тебе не будет неловко перед гостями.

Он широко ухмыльнулся:

— Удаляясь с хорошенькой женщиной, я никогда не испытываю неловкости. Вот даме моей иногда бывает неловко, это да.

Керк поглядел им вслед, и Сара негромко бросила ему:

— Потом.

Сделав вид, будто он заподозрил тут амурную историю, Чивер, как бы подтрунивая над собой, вздохнул:

— Ох, молодость, молодость! Будь я лет на двадцать — тридцать моложе, такой парень, как Керк, не имел бы у тебя никаких шансов. Во всяком случае, если бы я был поблизости. Уж я бы задал тебе работку не из легких, будь уверена.

И, взяв Сару под руку, он повел ее через зал.

— Ты не сердись, что я болтаю всякую чепуху. Я приучаю себя нести бремя старости с некоторой элегантноcтью или хотя бы смотреть на это дело реалистически. Как сказал пожилой шотландец молоденькой девушке, которая страшно нервничала из-за того, что очутилась с ним в двухместном купе: «Не надо волноваться, деточка. Больше всего на свете меня интересует выпивка».

Вдруг Сару схватила за руку женщина в пестром ситцевом платье и экзотических серьгах.

— Сар, лапочка! Вернулась, а мне даже знать не дала. Ну как, надо мне обижаться на тебя?

— Не обязательно, Никки. Ведь я только сегодня приехала.

Но Никки не слушала ее:

— На тебе так и написано, что ты побывала в Париже. Ах, Париж — туалеты, свобода, любовь!..

— Звучит очень мило. Особенно, если учесть, что приехала я из Азии, туалетов оттуда не привезла никаких, свободы не обрела и любви тоже не испытала.

— Но ты стала какая-то... другая! — воскликнула Никки, лихо помакивая бокалом с мартини.

Волосы у нее были ярко-золотые, высокая грудь вонзалась в сознание, словно трубный глас. Синими, уже слегка остекленевшими глазами она изучала Сару — пристально, с интересом, словно врач, ставящий диагноз. — Да ты вся какая-то новая!

— Просто только что из чистки, если ты имеешь в виду платье. А как Фред?

Вдруг Никки понизила голос.

— Я тоже переменялась, — объявила она с грустью. — Все уверяют, что у меня стал тревожный, затравленный взгляд.

Сара рассмеялась:

— А ты по-прежнему никого не слушаешь, кроме себя, — изумительная способность!

— Вот еще, слушать кого-то на званых вечерах! По-моему, и пытаться не стоит. Это было бы так утомительно! А ты заметила?

— Заметила — что?

— Перемену во мне. В моем взгляде.

Посмотрев на ее безмятежное красивое лицо, в сорок лет совсем не тронутое морщинами, Сара с внезапным раздражением бросила:

— Да что там, Никки! Если взгляд у тебя и бывает тревожный, так только при мысли о минувшей ночи.

— Ого! — задумчиво проговорила Никки. — Не очень-то ты любезна. Знаешь, Сар, язык твой — враг твой. Мне-то, в об-

щем, все равно, но ты его лучше попридержи — для своей же пользы, если только ты поняла, что я имею в виду.

— Да, поняла. Но ты сама знаешь, язык не всегда нас слушается: проявляет излишнюю самостоятельность.

Сара взглянула на Чивера — тот беспокойно озирался по сторонам.

— Никки, — вставил он поспешно. — Кто это, вон тот высокий, в генеральской форме? Даже фамилии его не припомню.

Но Никки только небрежно улыбнулась в ответ и снова обратилась к Саре:

— Правда, люди вроде Керка и Джерри считают тебя страшным умной, и ты должна все время тянуться, чтобы не уронить марку. Бедняга Том тоже так считал, но могу поручиться: любому мужчине просто тошно слушать с утра до вечера умные разговоры.

Сара спросила бесстрастным тоном:

— Ты хочешь сказать, что жизнь со мной была для Тома невыносимой — из-за того, что я страшно умная, как ты выражаешься?

Что-то в ее голосе заставило Никки пойти на попятный.

— Нет-нет! — сказала она, слегка отпрянув. — Не приписывай мне того, чего я не говорила, Сар.

Поспешное движение Никки, выдававшее смутный физический страх, возмутило Сару еще больше, чем ее слова. А Никки уже опять болтала, так же весело и беспечно, как вначале:

— Я в самом деле рада, что ты вернулась. Мы по тебе ужасно скучали. Всякий раз, когда я проходила мимо вашего домика и видела закрытые ставни, я представляла себе, как ты прожигаешь жизнь в Париже и в Риме. Но я тебя не осуждаю. Я и сама поступила бы точно так же. Нельзя же требовать от женщины, чтобы она пребывала в трауре до конца своих дней.

Чивер раздраженно махнул рукой:

— Прекрати, Никки! Поболтаешь с Сарой потом. Нам с ней нужно кое-что обсудить.

— Отлично. Но если вы собираетесь говорить о Томе, не забудь объяснить ей, отчего он так много пил в тот вечер.

Она повернулась, чтобы уйти, но Сара довольно резко удержала ее за плечо.

— Нет, это я должна знать, — сказала она. — Так почему же Том много пил в тот вечер, а?

В синих глазах Никки молнией мелькнуло злорадство. И Сара почувствовала: вот сейчас на нее обрушится удар и надо собрать все силы, чтобы выстоять. Она поднесла стакан к губам.

— Ах, Сар, — с упреком проговорила Никки, — ты женила его на себе, а сама стала носиться по всему свету. Он тут мыкал-

ся, как неприкаянный. И, ясное дело, нуждался в утешении. Бедный мальчик! Мне стало так жаль его, когда я увидела, что он опять напивается. А уж потом я обнаружила его в саду.

Усилием воли Сара заставила себя сдержаться, спросила только:

— Так это ты его обнаружила? Где именно?

— Ну как где—под розовыми кустами. Мы с Артуро наткнулись на него.

Сара бросила на Чивера вопросительный взгляд.

— С Артуро?

— С Артуро Оливаресом. Я тебе все расскажу,— сердито ответил Чивер.— Пошли.

Никки отвернулась, недовольно тряхнув головой.

— Не обращай внимания,— пробормотал Чивер, ведя Сару через зал.— Не будь она моей невесткой... А, да что там, я объявил Фреду напрямик: пускай либо ее приструнит, либо разводится; но у него, видимо, не хватает духу ни на то, ни на другое. Может, его как врача страшит мысль о скандале — боится потерять практику. Вот и предпочитает на все смотреть сквозь пальцы. А она отбивает поклонников даже у собственной дочери. Многие видят в ней всего-навсего пустенький одноактный фарс, но для Фреда это трагедия. Полагаю, ты, как и все остальные, поняла, почему он вообще на ней женился: ведь ему тогда было всего двадцать...

Глава II

В КАБИНЕТЕ ЧИВЕРА

Чивер отворил дверь, и, миновав увешанный картинами коридор, они вошли в большой мрачноватый кабинет — красное дерево, кожа. В комнате все имело девственный вид — чувствовалось, что заходят сюда редко.

— Садись, — сказал Чивер, и они опустились в глубокие кресла. Вслед за Сарой он обвел взглядом ряды книг в добротных переплетах, небольшие картины на стене, выдержанные в темных тонах.

— Вообще-то, бог с ним, с этим кабинетом. Плод совместных усилий Этель и ее декоратора. У меня здесь всегда такое чувство, будто мне приклеили фальшивую бороду. Зато тихо, можно поговорить без помех.

Он предложил ей сигарету, она отказалась, и тогда он закурил сам, внимательно наблюдая за нею сквозь табачный дым.

— В тебе появилось что-то такое, что внушает мне опасения. Какая-то печальная сосредоточенность. Словно бы для тебя на чем-то одном свет клином сошелся.

Она кивнула.

— Ты проникателен, Джерри. Вот уже сколько месяцев меня гвоздит одна мысль: что я в чем-то предала Тома, сама не

знаю, в чем. Но на прошлой неделе я получила письмо — он написал его перед смертью — и поняла, что мне делать. С тех пор я уже ни о чем другом не могу думать.

Чивер ответил не сразу. В открытое окно доносился слитный шум голосов, негромкие переборы гитары. Мотив был знакомый — печальная, нежная песня, много лет назад она слышала ее в Аргентине: «Juventud perdida». «Погибшая молодость»... «О, скажи мне, куда подевалась она, та, которую я любил в юности?..»

— Я должен задать тебе один вопрос, — начал Чивер. — Правда ли, что перед твоим отъездом у вас с Томом были, ну, скажем, неважные отношения? — Заметив, что глаза ее расширились, он поспешно добавил: — Не пойми меня ложно. Том был от тебя без ума, это всем известно. Но у нас создалось впечатление, что ты была на него сердита.

— Сердита? Да я была просто взбешена! После того как он у вас выпил лишнего и выставил себя из-за Никки таким дураком, я с ним не разговаривала неделю. Я *должна была* выдержать роль оскорбленной жены. Том это понял, и когда он обещал мне, что больше не будет пить, мы с ним помирились. Мы любили друг друга, Джерри. Собирались поездить вдвоем, просто так, для собственного удовольствия, когда я вернусь из Сирии. У нас было решено, что я брошу работу, осяду в Вашингтоне и мы заведем ребят.

— Ну, у меня отлегло от сердца. А то проклятые сплетники чешут языки, а потом попробуй отличи, где правда, а где выдумки. Так вот, насчет письма от Тома. С моей стороны не будет нескромностью, если я попрошу тебя рассказать, о чем оно?

Сара задумчиво поглядела на свою сумочку.

— Его удручало, что он вынужден навлечь неприятности на одного из наших друзей... На человека, которого он любил. Но на кого именно, там не написано.

— И ты считаешь, что его смерть как-то связана с этим? Что тут, ну, в общем, дело нечисто?

— Нечисто, говоришь? — Она призадумалась. — Просто мне хочется разобраться во всем до конца.

Он сделал долгую затяжку и медленно выпустил дым.

— Когда человек постоянно пишет о всяких закулисных делах и знает подноготную множества людей, как Том, у него непременно должны быть враги. Но тебе, вероятно, известно, что информационное агентство, где он работал, присылало ко мне своего сотрудника. Он тщательно вник во все детали этой истории, а когда во всем разобрался, то сказал, что согласен с медицинским заключением: смерть в результате несчастного случая.

— Видимо, так оно и есть. А все-таки... Сам подумай, Джерри, столбняк... В наши дни в Америке от столбняка не умирают. Если, конечно, поблизости есть врач.

Рот его искривился в усмешке.

— Когда я был мальчиком, эта болезнь называлась по-всякому: тризм челюсти, заражение крови,— и от нее погибало порядочно народу, особенно ребятишек: оцарапаются и забудут об этом, а инфекция делает свое дело. Тогда сыворотка еще не была общедоступной.

Она молчала, и его пухлое загорелое лицо горестно сморщилось.

— Наш сад заражен столбнячной бациллой, ничего не поделаешь. Кажется, она часто встречается в естественных удобрениях; наш садовник применяет их для розовых кустов. Да он и сам не так давно переболел столбняком — правда, в легкой форме. И сыворотку ему ввели своевременно.

— А Тому — слишком поздно?

— Да. Думали, правда, что вовремя. Но у него оказалась очень тяжелая форма.

— Расскажи мне, Джерри, как все это было. Со всеми подробностями, какие только вспомнишь. Очень тебя прошу.

— Постараюсь, Сар. Значит, так. В тот вечер народу собралось меньше обычного — всего-навсего человек сто. Было порядочно латиноамериканцев. Том очень много пил.

Сара беспокойно шевельнулась.

— Тебя это удивляет? — спросил Чивер.

— Даже очень. Ведь он дал мне обещание. А он слов на ветер не бросал.

— Должно быть, он сильно скучал по тебе.

— Во всяком случае, не настолько, чтобы нарушить слово. Ведь он же не был алкоголиком. Он всегда умел остановиться, стоило ему захотеть.

— И все-таки в тот вечер он, вероятно, здорово нагрузился. Я видел его у стойки, он был не в себе. Я спросил, в порядке ли он, и он ответил: в порядке, но голос у него был сиплый.

На мгновение она закусила нижнюю губу.

— Том не любил признаваться, что ему плохо или что он перебрал. Но ты действительно видел, что он выпил больше обычного?

— Вообще-то не видел. Я же за ним не следил. Но это и так было ясно.

— А что он пил?

Казалось, Чивера удивил ее вопрос.

— Полагаю, то же, что всегда,— «Бурбон» с содовой.

— А был еще кто-нибудь в баре? Я хочу сказать, одновременно с ним?

— Ну конечно, то одни заходили, то другие, масса народу. Помнится, я видел его с Керком, с Артуро Оливаресом. А после — с Никки; но тут вмешалась Этель, быстро все поломала и шепнула мне, что Том сильно пьян и чтобы я как-нибудь потактичной уговорил его выйти подышать свежим воздухом. Тогда я предложил ему прогуляться со мной по саду, посмотреть цветы. Последние в нынешнем сезоне, так я ему сказал. Меня смущало лишь одно: ночь была темная, безлунная. Впрочем, Том был не настолько пьян, чтобы не разгадать моего замысла. Сказал, чтобы я не беспокоился и что лучше он посмотрит цветы сам. Вид у него был неважнецкий, я подумал, что его вот-вот стошнит и поэтому он хочет пройти один, так что я не стал настаивать. Когда он выходил через стеклянную дверь, мне бросилось в глаза, что он пошатывается. Я еще подумал тогда: это первый случай на моей памяти, чтобы Том нетвердо держался на ногах.

Сара взглянула в окно, на залитый вечерним солнцем сад. Он напомнил ей картину Дюфи¹ — заросший лилиями прудик, отражающий густую синеву неба, яркие цветочные бордюры, атласно-гладкая лужайка, веселые наряды прогуливающихся гостей. Вдоль одной стороны огромного сада и высокой кирпичной стены в дальнем его конце были высажены гигантские ползучие розовые кусты. Уже распустились ранние розы — отсюда они казались ярко-красной массой с палевыми и белыми островками.

Помолчав немного, Сара сказала:

— А розовых стало меньше, чем в прошлом году, правильно?

Чивер ухмыльнулся:

— Узнаю свою Сару. Цепкий взгляд опытной журналистки — от него ничего не укроется. Правильно, Этель вдруг вспылала страстью к белым розам и посадила их вместо розовых. Говорит, розовый цвет — это жалкий компромисс.

— Джерри, можешь ты вспомнить точно, в котором часу Том вышел в сад?

— Точно не скажу, — задумчиво проговорил он. — Помню только, что было поздно. Народ уже расходился, а оставшимся сервировали ужин. Я разрывался: надо было и гостей провожать и обеспечить Пилангу, нашему новому шеф-повару, все, что ему потребуется. За ужином подавались только индонезийские блюда. Успех был колоссальный. Часов этак в десять Керк спросил меня, где Том, и тут я сообразил, что за ужином его не

¹ Дюфи Рауль (1887—1953) — французский художник.

было. Я ответил, что видел только, как он выходил в сад. Тогда Керк пошел его искать. Сказал, что им надо кое о чем потолковать. Прошло несколько минут, он возвращается и говорит, что Тома там нет. Вот мы и решили, что он ушел, не попрощавшись.

Сара наморщила лоб.

— Как же могло получиться, что Керк его не нашел, а Никки нашла?

— Тьма была крошечная, а сад у нас большой. Керк вполне мог не разглядеть в темноте черного костюма. А Никки и Артуро... — И он закончил фразу улыбкой.

— Ты хочешь сказать, что они споткнулись о Тома? Что он напился до потери сознания?

— Вот именно. Должно быть, там его и разобрало.

Она прикрыла глаза, пытаясь представить себе эту сцену: обнимающаяся в темном саду парочка вдруг натывается на чью-то ногу; нехотя оторвавшись друг от друга, они обнаруживают распростертого под розовым кустом человека.

— А кто такой Артуро? — спросила она.

— Ах да! Ты же с ним не знакома. Артуро Оливарес. Он приехал в Вашингтон вскоре после твоего отъезда. Представитель нового патагвайского правительства — это которое так недолго продержалось у власти. Сам он парень славный, хотя его политические взгляды мне не по душе. Радикал. Но красив, ничего не скажешь. У Барби был с ним роман. — Он хмыкнул. — Она вдруг запоядилась к нам: стала приезжать из колледжа с субботы на воскресенье, чтобы с ним встречаться. Думала, мы ни о чем не догадываемся. Мы с Этель поговорили с Фредом и решили не вмешиваться. По правде сказать, он нам нравился.

— А с Томом он был знаком?

— Да, отношения у них были как будто самые дружеские. Я видел их вместе, они завтракали в Метрополитэн-клубе — всего за несколько дней до...

Он осекся.

— А что было после того, как он и Никки обнаружили Тома?

— Никки вбежала в дом и шепнула мне, что с Томом неладно. Я вышел в сад, помог Артуро привести Тома в чувство. Когда он пришел в себя, мы его усадили, но ему было очень скверно, он едва мог говорить. Нам не хотелось, чтобы его кто-нибудь увидел в таком состоянии, — сама понимаешь, сколько было бы пересудов. Достаточно того, что об этом знала Никки, болтушка такая. Я ее, правда, предупредил, чтобы молчала. Нам с Артуро еле удалось поставить Тома на ноги, пришлось тащить его чуть ли не волоком. Мужчина в восемьдесят кило весом —

это изрядный груз, доложу я тебе, если ноги его не слушаются. Но все-таки мы внесли его во флигель для прислуги, положили там на кушетку. Вид у него был совсем больной, а Фред как раз находился у нас, и я послал Артуру за ним. Фред явился довольно скоро. Мне показалось, что он и сам перепил, но он взглянул на Тома, пощупал у него пульс, потянул носом и сказал мне, что Том просто пьян и лучше всего дать ему проспать. Он обратил внимание, что у Тома исцарапан лоб, принес из ванной какой-то дезинфицирующий раствор и промыл царапины.

— Том разговаривал с вами?

— Да, немножко. Пробормотал что-то — в том смысле, что ему так неловко, и он сам не понимает, как это вышло, и пусть его оставят одного, все будет в порядке. Говорил он чуть слышно, глаза у него закрывались сами собой. Никто не заметил — ни мы, ни он сам, — что у него глубокая царапина на руке, повыше запястья. Понимаешь ли, на этих самых кустах здоровенные шипы. Вот в эту царапину, безусловно, и попала инфекция.

Напряжение, с которым она обдумывала каждое его слово, было явственно ощутимо — казалось, оно доступно слуху, как звук.

— И никто не обратил внимания, что у него на руке царапина?

Во взгляде, который метнул на нее Чивер, отразились всяма разнообразные чувства: видно было, что он раздражен бесконечными расспросами, а в то же время его восхищает эта настойчивость и забавляет несоответствие между хрупкой женственностью ее облика и энергичным напором.

— А знаешь. — проговорил он беспечно, — тебе бы называться не Сарой, а Дианой. Так и вижу тебя на пьедестале — с луком и колчаном со стрелами. Богиня-охотница, прелестная и беспощадная. Мраморная статуя.

— По временам я и вправду чувствую, что превращаюсь в мраморную статую, — с горечью проговорила она.

— Ты действительно любила его?..

— Да, по-настоящему.

— Бедная девочка! Мне так жаль, Сар...

Узкой рукой она сделала легкий жест, выражающий дружеское понимание.

— Прости меня, Джерри. Ты так терпелив со мной. Я тебя долго не задержу. Так мы говорили насчет царапины.

— Насчет царапины, — повторил он. — Никто из нас ее не заметил. Она была под рукавом пиджака. Никому и в голову не пришло туда заглянуть. Мы просто укрыли Тома одеялом и

оставили его на кушетке — не тащить же было его в комнату для гостей, чтобы чужие увидели его в таком состоянии. Мне тоже пришлось изрядно выпить в тот вечер, так что утром я заспался — была суббота. И только часов в десять, за кофе, я вдруг вспомнил про Тома. Пошел в ту комнату, где он лежал, а его там нет. Клифтон, наш дворецкий, рассказал мне, что Том проснулся рано и вызвал такси и что вид у него был очень скверный. Немного спустя я позвонил к вам домой, спросил Тома, как он себя чувствует. Голос у него был куда бодрей. Он извинился за беспокойство, сказал, что сам не понимает, как его угораздило столько выпить, — вчера ему все казалось, что голова у него раздувается, как воздушный шар. Еще он сказал, что, должно быть, схватил в саду ревматизм — суставы и шея залубенели, как перестоявшийся тоффи¹. Ты же знаешь, он любил старинные фермерские словечки.

Она медленно наклонила голову в знак согласия.

— А он ничего не говорил про эту царапину на руке?

— Нет, в тот момент ничего. Потом пришла Этель, и я ей все рассказал. Она забеспокоилась. Говорит, как бы Том не простудился насмерть — ведь он столько времени пролежал на сухой земле, — и чтобы я непременно сегодня же зашел его проведать. Я в тот день играл в гольф в «Горящем пне», а обратно поехал через Джорджтаун и зашел к вам. Открыла ваша горничная и говорит, что мистер Бэртон плохо себя чувствует и никого не велел принимать, но я все-таки поднялся к нему наверх и вижу, он лежит пластом и у него явно жар. Он сказал, что шея уже совсем не сгибается, что до сих пор ему не хотелось звать врача, но, пожалуй, надо бы.

— Ну, а что же насчет царапины на руке?

— Вот-вот, я как раз к этому подхожу. Я заметил, что он все время трогает правую руку, посмотрел и вижу: повыше запястья глубокая царапина, а кругом покраснело и распухло. Он мне сказал, что утром промыл ее, но толку никакого. — Тут Чивер шумно вздохнул, словно показывая, что его утомило столь длительное напряжение памяти. — И тогда до меня дошло: ведь те же симптомы были у нашего садовника, когда тот заболел столбняком: жар, шея не гнется, кожа вокруг царапины воспалилась. И я не стал терять времени. Мне было известно, что Том и Фред друг друга недолюбливают, так что я спросил, не вызвать ли мне его постоянного врача, а он говорит — никакого врача у него нет, он уже сколько лет докторам не показывался, и чтобы я вызвал Фреда. Даже пытался пошутить: мол, Фред

¹ Дешевое лакомство из черной патоки, переваренной с сахаром (прим. перевод.).

наблюдал его с первой минуты и было бы глупо менять врача в самый интересный момент. Мне это запомнилось, потому что он засмеялся, но лицо у него сразу же искривилось, и он сказал, что ему больно смеяться. В общем, Фред тут же приехал, ввел ему сыворотку и дал снотворное. Сказал, что положение очень серьезное. и несколько дней, пока Том не выкарабкается, у его постели должны круглосуточно дежурить сиделки. Он позвонил к себе в больницу...

— Минуточку, Джерри, извини. Когда Фред вводил сыворотку, он верил, что это спасет Тома?

— А как же! Полагаю, что верил. Правда, насколько я могу припомнить, он этого не говорил, но уж, конечно, мы никак не думали, что Том умрет. А куда ты, собственно, клонишь?

— Просто хочу представить себе всю картину. Ладно, дальше, Джерри.

— Ну так вот. Как я уже сказал, Фред позвонил к себе в больницу, чтобы раздобыть для Тома сиделку. Но в субботний вечер это было решительно невозможно. Я позвонил Керку — думал, может, ему удастся кого-нибудь разыскать через государственный департамент. Он тут же примчался, но найти никого не сумел. Тогда я связался с Этель, спросил, нет ли у нее кого-нибудь на примете. Она сказала, что нет, но что она придет сама и побудет с Томом, покуда Фред не найдет сиделку. Ты ведь знаешь, во время войны она добровольно работала в госпитале.

— И когда же явилась сиделка? — спросила Сара.

— В воскресенье утром. А вечером она вызвала Фреда. В понедельник утром Фред позвонил нам и сообщил, что состояние Тома очень его беспокоит. Сыворотка, видимо, не подействовала. Так что Фред ввел ее вторично — сделал люмбальную пункцию, так это у них называется. К этому средству прибегают лишь в самых крайних случаях. Я сразу же поехал к Тому. Керк был уже там. Послушай, ты и в самом деле считаешь, что тебе надо знать все эти подробности?

— Да. Решительно все.

— Что ж, будь по-твоему. Все у него одеревенело, он не мог раскрыть рта, малейшее движение причиняло ему невыносимую боль. Чтобы снять боль, ему впрыснули изрядную дозу морфия. Но больше всего меня потрясла его жуткая ухмылка, словно он нехотя улыбался какой-то скверной шутке.

— Да, знаю,— ровным голосом проговорила Сара.— Это называется «*risus sardonicus*»¹.— И, заметив, что Чивер удив-

¹ Сардонический смех (лат.), характерный симптом столбняка (прим. п е р е в.).

ленно вскинул брови, добавила:— Я много прочитала о столбняке.

— Значит, тебе известно, как это бывает,— сказал Чивер.— Страшные судороги и все прочее. Фред говорил: ему первый раз в жизни пришлось столкнуться с такой острой формой. Есть Том не мог, поворачивать его они боялись, поэтому вводили глюкозу внутривенно. Но ничего не помогло. Это была его последняя ночь. В понедельник под утро он скончался.

Сара сидела неподвижно, смотрела в окно и слушала доносившееся из сада пение. Песня была странная, незнакомая, гитара звенела все громче, и ее стонущие, исступленные звуки вызывали у Сары в памяти джунгли Амазонки.

После короткого молчания Чивер тихо проговорил:

— Сар, я передать тебе не могу, как мне его жаль.

— Знаю,— ответила она тихо.— Скажи мне, Фред будет у вас сегодня?

— Обычно он заезжает, если свободен. Я ему говорил: пора хорошенько приструнить Никки, пока она не...

Договорить он не успел. За спиной у него открылась дверь, и раздался сердитый голос Этель:

— Джерри, гости спрашивают тебя. Или ты думаешь, что я могу справиться одна? Я с ног валюсь от усталости, а ты сидишь, занимаешься разговорчиками...

Сара поднялась.

— Этель, тут моя вина. Мне нужно было расспросить Джерри о Томе. Пожалуйста, пойми меня.

Нарумяненное лицо под нелепым рыжим париком слегка смягчилось.

— Понимаю, милочка. Ну, ничего. Ты прости, если я слишком резко. Совершенно не сплю: снотворные меня не берут; нервы расшатались, и из-за каждого пустяка выхожу из себя.

— Сара получила письмо от Тома,— вставил Чивер.— Оно дошло до нее совсем недавно. И у нее создалось впечатление, что смерть Тома не была результатом несчастного случая.— Он повернулся к Сарс: — Ты ведь не против того, чтобы я посвятил во все Этель?

— Конечно, нет. Письмо я дам тебе прочитать после.— И она взяла сумочку в руки.

— Правильно. А сейчас пойдем,— подхватила Этель.

По пути в салон их остановил Фред Чивер.

— Сара,— проговорил он, печально моргая,— Никки сказала мне, что ты здесь. Ты не могла бы уделить мне несколько минут? Мама, отец, вы не возражаете? Мне бы хотелось поговорить с Сарой с глазу на глаз, мы выйдем в сад.

Фред был высокий, худощавый, лицом слегка напоминал мать. Он выглядел старше своих сорока лет — темные волосы его поредели, и на высоком лбу образовались большие залысины, голубые глаза устало взирали на этот скучный, безрадостный мир. Сара порой пыталась представить себе, какой вид он принимает у постели больного, — лицо у Фреда было на редкость подвижное, казалось, на нем отражаются все его чувства, а ма-нера сжимать рот в ниточку и беспрестанно моргать вряд ли действовала на пациентов успокоительно.

Им повстречалась горничная с подносом, и оба взяли по бокалу, приятно холодившему руки. Они прошли в самый тихий уголок сада и здесь, отделенные прудом от ближайшей группы гостей, остановились, молча глядя друг на друга и потягивая коктейль.

Глава III

РАЗГОВОРЫ В САДУ

Солнце садилось в розовеющие облака, и Сара остро почувствовала контраст между живой прелестью освещенного закатным заревом сада и безысходной мрачностью своих дум.

Внезапно раздался голос Фреда:

— Керк говорит, ты не уверена, что Том умер своею смертью. Мне хочется рассказать тебе, как все это выглядело с моей, медицинской точки зрения.

— Спасибо, Фред,— сказала Сара.— Я охотно тебя выслушаю.

Она всегда относилась к нему с симпатией, какую нередко внушают женщинам неудачники. Материнское богатство не спасло Фреда от ошибок, которые сделали его жизнь беспросветно унылой,— брак оказался для него роковым, специальность не приносила настоящего удовлетворения. Поначалу он держался и за жену и за работу — вовсе не потому, что был волевым человеком, а скорей из упрямства; но с течением времени и Никки и врачебная практика сделались для него привычкой, которую он уже был не в силах преодолеть.

— Поверь мне, когда я подписывал заключение о смерти Тома, не было на свете медика несчастней меня. Что бы там ни болтали, я любил Тома и уважал его. Я считаю, что он умер ес-

тественной смертью, и у меня нет никаких оснований думать иначе.

— Но ведь обычно смерть от столбняка так быстро не наступает, верно? — медленно выговорила она.

— Верно. Но у Тома была крайне тяжелая форма. В моей практике такого случая еще не встречалось. Интоксикация произошла чрезвычайно быстро. Есть люди с повышенной восприимчивостью к определенной инфекции, у них болезнь протекает особенно остро. Насколько я могу судить, так было и с Томом.

— Понимаю.

— И к тому же такое неудачное совпадение: он был в состоянии ступора, вызванного алкоголем.

— Ты уверен, что именно алкоголем?

Он бросил на нее полный удивления взгляд. Удивление это нарастало, и постепенно все лицо его пришло в движение: поднялись брови, расширились глаза, раздулись ноздри, слегка приоткрылся рот.

— Что ты хочешь этим сказать, Сара? Если он не был пьян, значит... — Тут голос ему изменил, но он сделал над собой усилие, и лицо его приняло обычное, несколько озабоченное выражение. — Я просто предполагаю... — снова начал он, но опять замялся. — Все вышло из-за того, — проговорил он уже более твердо, — что Том проглотил эту царапину. Не промыл ее вовремя.

— Но ведь в наше время столбняк — заболевание довольно редкое, — возразила она.

— Не такое уж редкое. У нас в Вашингтоне каждый год заболевает порядочно народу. К слову сказать, незадолго до этой беды с Томом заболел мамин садовник — не обработал ранку, и мне пришлось вводить ему сыворотку. Я отдал на бактериологический анализ удобрение, с которым он имел дело, и там оказалась столбнячная бацилла, да еще в огромном количестве. Розовые кусты, видимо, кишели ею, и когда Том оцарапался... Да, ужасная штука эта столбнячная бацилла! Выделяет, пакость такая, сильнейший яд, и, когда он поражает нервные центры, ничего уже нельзя сделать.

Пока он говорил, она хладнокровно разглядывала его поверх бокала. Это выражение искреннего соболезнования у него на лице... Можно ли ему верить? Или же он и есть убийца? Быть может, Том и в самом деле заболел столбняком случайно, а погубило его то, что ему не ввели сыворотки? Ведь, что ни говори, только сам Фред знал, какую инъекцию он сделал Тому. Может, этот модный доктор, этот богатч, которому жена столько лет наставляет рога, воспользовался случаем, чтобы отомстить одному из ее бывших любовников, когда тот оказался у него в руках, прикованный к постели и совершенно беспомощный?

Правда, Том был в жизни Никки всего лишь случайным эпизодом, но Фред вполне мог подумать, что роман их возобновился, и, загоревшись местью, поддаться внезапному искушению. Сколько известно случаев, когда благовоспитанные люди становились убийцами, если на то представлялась возможность!

Но, с другой стороны, размышляла Сара, чтобы пойти на убийство, человек должен быть крайне эгоцентричным и к тому же весьма решительным, а Фред — натура совсем не такая сильная и страстная, чтобы во имя мести рисковать всем. Да и потом вряд ли он до сих пор влюблен в Никки — после стольких лет совместной жизни... А в таком случае, чего ради было ему убивать? И, покачивая головой, Сара припомнила три классических вопроса, которые ставит перед собою следствие: возможности, средства, мотивы. Возможности и средства у Фреда были. Но вот мотивы?

Лицо его вдруг передернулось, словно он прочитал ее мысли.

— Единственное, в чем я себя виню, — это то, что я не сразу заметил царапину у Тома на руке. Когда его принесли из сада, мне просто в голову не пришло заглянуть ему под рукав. Я и сам был не в форме, но постарался сделать все, что нужно. Поверь мне.

— Ты мне вот что скажи, Фред. Как готовится культура столбнячной бациллы?

— Что?! — По лицу его прошла судорога, но он почти тотчас же ответил ровным голосом: — Это — дело несложное. Берется некоторое количество столбнячной бациллы, помещается в пробирку с питательной средой, и через три дня в твоём распоряжении целые полчища невидимых отравителей.

— И это может сделать любой?

— Любой. Надо только раздобыть бациллы и питательную среду.

— А что служит питательной средой?

— Обычно агар-агар. Микроорганизмы бурно в нём размножаются. Его готовят из особого вида морских водорослей, получается такая студенистая масса. Слушай-ка, Сар. Если у тебя и в самом деле есть такого рода подозрения — а я чувствую, что они у тебя есть, — то выбрось это из головы. Это же совершенно исключено.

— Значит, по-твоему, Фред, это исключено? Леди и джентльмены убийцами не бывают, да?

Лицо его снова искажилось.

— Боже милостивый! Я вижу, ты это всерьёз!

Некоторое время оба молчали, не зная, что сказать. Молчание становилось тягостным, и, помахав проходившему мимо знакомому, Сара невнятно извинилась перед Фредом и отошла.

С полчаса она переходила от одной группы гостей к другой: здоровалась с друзьями, знакомилась с новыми людьми, производила привычные банальности, которых от нее ожидали, и испытывала при этом такое облегчение, будто снова смогла свободно вздохнуть после того, как целый час сдерживала дыхание.

Сумерки густели. Гости стали поглядывать на часы и один за другим потянулись в дом. Чиверы, стоя у дверей, прощались с теми, кто не оставался ужинать.

Ускользнув от знакомых, Сара стала прохаживаться по саду. Время от времени она останавливалась, делая вид, что любит-ся цветами. Вот и гигантские розовые кусты — их-то ей и хотелось рассмотреть получше. Быть может, вон там, в густой тени, лежал Том, и над ним сплетались ветви, усыпанные огромными красными розами. Увидев толстые и острые, как иголки, шипы чуть ли не в дюйм длиной, она содрогнулась. Ей не раз доводилось видеть смерть — и от голода в Конго и от холеры в Эквадоре, — но сейчас ей казалось: не может быть смерти страшнее той, что постигла человека, которого она любила. При этой мысли ее охватил невыразимый ужас. Но она заставила себя вернуться к действительности. Который же из этих шипов оставил ту роковую царапину, если только и в самом деле во всем виноваты шипы? Она мысленно увидела: человек падает ничком... Да, он вполне мог оцарапать лоб. Но руку... Ведь шип должен был проколоть костюм и рубашку. Догадался ли тогда кто-нибудь осмотреть рукав его костюма? Верней всего, нет, а теперь, полгода спустя...

За спиной у нее раздался голос Керка Норвина:

— Ах, вот ты где, наконец-то! Тебя трудней изловить, чем колибри. Я все тут обшарил.

Она с улыбкой повернулась к нему и, заметив неподалеку садовую скамью, подошла к ней и села. Он опустился рядом. Выражение лица у него, как обычно, было такое, будто его только что кто-то толкнул и прошел мимо, не извинившись.

— Ты остаешься ужинать? — спросил он.

— Пожалуй, да.

Она заметила, что последние гости, допивавшие на лужайке коктейли, уже смотрят на них. Где бы ни появлялся Керк, взоры женщин немедленно устремлялись к нему — был он рослый, плечистый, одевался с небрежной элегантностью и всем своим видом показывал, что в любую минуту готов ринуться в драку.

— Сар, ты слышала, что я баллотируюсь в сенат?

— Этель мне уже говорила. Тебе, наверное, предстоит серьезная драка?

— Да, оппозиция сильная, но я знаю, что смогу ее одолеть. В наших краях семью Норвинов любят. Деньги для избиратель-

нои кампании я раздобуду. Единственное, чего мне не хватает,— это тебя.

У нее дернулись уголки рта.

— Ты хочешь сказать, я буду эффектно выглядеть по телевизору в роли жены кандидата? Может, еще с собачкой?

Он насупился.

— Тебе отлично известно, что я хочу сказать. Если все эти годы я не говорил тебе прямо о своей любви, так только потому, что Том был моим другом. Ты и сама это знаешь. Тома уже нет, и мне очень тоскливо без него. Но мы-то с тобой живы, так зачем же мне тосковать еще и по тебе? Сара, прошло полгода. В наше время это вполне достаточный для траура срок. Мы с тобой зажили бы прекрасно. Если только у тебя хоть что-нибудь ко мне есть... А ведь, наверно, есть все-таки? Ты только подумай: я сенатор, ты иностранный обозреватель — лучшая в стране журналистка-международница. Сар, да мы горы свернем! Слушай, выходи за меня!

Она прикрыла его руку своей.

— Спасибо, Керк. Не могу.

— Но почему же? У тебя кто-нибудь есть?

— Никого у меня нет. Но... Том все еще у меня в крови. Он словно бы — ну, преследует меня.

— Как это понимать? — сердито спросил Керк. — Ты просто сентиментальничаешь.

— Да? А по-моему, это совсем не то слово. Ты вспомни, что чувствовал Гамлет при виде призрака. Вот и у меня такое чувство, будто дух Тома вызывает ко мне. Может быть, это глупо, но я считаю своим долгом увериться в том... в том... — Она замаялась.

— С каких это пор Сара Бертон боится называть вещи своими именами? Ты имеешь в виду причину смерти Тома, так? Ладно, взглянем фактам в лицо, разберемся во всем до конца и покончим с этим. Я уже говорил тебе, что у меня были кое-какие подозрения. И сейчас есть. Я считаю: Том погиб не своей смертью. Его убили — вот мое мнение. И я хочу назвать убийцу: Артуро Оливарес. Тебе это имя известно?

— О, да. Я его то и дело слышу. Но зачем было Оливаресу убивать Тома?

— Лучше я расскажу тебе все по порядку. Ты знаешь, для чего Оливарес приезжал в Вашингтон?

— Я думала, как представитель своего правительства.

— Он должен был вести здесь переговоры о признании Союзенными Штатами нового режима в Патагаве и предоставлении ему займа. Заем нужен был позарез. Удирая за границу, Сильвестре обчистил казну — забрал все, до последнего гроша.

Новому правительству были необходимы деньги, и срочно — на содержание армии и флота, на закупку продовольствия и снаряжения. Иначе ему было не удержаться у власти. Тут каждая неделя имела значение. Так вот, у Оливареса была задача — добиться займа как можно быстрее. Мне поручили обо всем с ним договориться. Правда, были тут кое-какие сложности. Несколько лет тому назад, еще во времена Сильвестре, мы предоставили Патагваю большой заем — сто миллионов, — и правительство Сильвестре не вернуло нам ни единого цента. Мы подозревали — хотя доказать этого так и не смогли, — что большую часть денег Сильвестре прикарманил. Само по себе это не могло быть препятствием для нового займа — ведь в конце-то концов о нем просило другое правительство, которое к тому же было нам по душе; словом, мы подошли к делу без всякой предвзятости. Но вдруг эти проклятые идиоты конфисковали земельную собственность одного американца. Ну, мы, разумеется, заявили — пусть они ее вернут, только тогда мы сможем дать им деньги. Я был уверен, что они не будут колебаться ни минуты. Однако, замечаю — Оливарес вроде бы не торопится. Выдвигает всякие возражения, тянет, затевает спор из-за каких-то формальностей. Потом-то я сообразил, в чем тут дело. Должно быть, Сильвестре с ним стакнулся: дал ему взятку, чтобы тот волинил. И это сработало: как только стало ясно, что дело с займом затягивается, офицеры патагвайской армии довольно круто обошлись с новым правительством, и все было кончено. Правительство пало, Сильвестре тут же вернулся к власти, а Оливарес потихоньку отбыл из Вашингтона в неизвестном направлении. Как видишь, все одно к одному.

— Но при чем тут Том?

— Мне очень тяжело тебе признаваться, Сар, но боюсь, что втравил его в это дело я. Еще когда я вел с Оливаресом переговоры, я поделился с Томом своими подозрениями. Он страшно загорелся. Ты ведь знаешь, Том всегда был против диктаторов типа Сильвестре. Вот он и говорит: если ему удастся доказать, что Оливарес — предатель, он его так разделает в своем очередном обзоре, что чертям тошно станет. По-моему, я снабдил его всеми необходимыми сведениями, но, прежде чем напечатать статью, он, вероятно, решил переговорить с Оливаресом лично. Джерри видел, как они завтракали в Метрополитэн-клубе. Оливарес, должно быть, учуял опасность. И, как видно, решил любой ценой избежать разоблачения.

— Но ведь это — только твое предположение, Керк, не так ли? — вставила Сара.

— Ха, предположение! Черта с два! Ты сопоставь факты: Оливаресу ясно, что он должен во что бы то ни стало помешать

Тому разобраться в ситуации и напечатать статью; нельзя тратить ни минуты; они встречаются у Чиверов, на следующем же приеме. Я видел их — они разговаривали в баре. Оливарес, должно быть, приготовился действовать. Ему ничего не стоило подлить чего-нибудь Тому в стакан. И даже не очень сильного — каких-нибудь там капель, которые действуют минут через десять — пятнадцать, есть такие. Откровенно говоря, я не верю, будто Том много выпил в тот вечер. Я ведь видел его перед тем в баре — он все больше поглаживал свой стакан, а пил очень умеренно. Но если ему туда чего-нибудь подлили и его затошнило или стало клонить ко сну, он ни за что на свете не поднял бы шума. Помнишь, он всегда говорил: хороший журналист ни в коем случае не должен фигурировать в статьях других журналистов.

— Помню, — отозвалась Сара.

— Ну, так вот, именно поэтому он в таком случае или ушел бы домой, или же, если бы он решил, что ему лучше не идти через парадное, вышел бы на свежий воздух, в сад, побродить, пока ему не станет легче. Именно так он и сделал, и вот тут-то Оливаресу выпал шанс. Он, разумеется, не пошел бы на явное убийство. Нож или пуля отпадали, это был риск: кто-нибудь мог увидеть или услышать. И потом, труп в доме... Прости, Сар, но я должен тебе пояснить: если бы Том умер здесь, у Чиверов, это, безусловно, означало бы расследование. Поэтому дело надо было провернуть так, чтобы все выглядело как несчастный случай, а смерть наступила бы позднее. И Оливарес стал действовать соответственно. Значит, так: Том выходит в сад; Оливарес незаметно следует за ним; видит, как Том падает без сознания: может быть, даже сам подтащивает его к розовым кустам или заталкивает под них, чтобы Том оцарапал лицо. И на этом пока останавливается — возможно, хочет удостовериться, что его никто не видел. В саду было темно, но из окон падал свет, и я думаю, он меня заметил, когда я вышел поискать Тома. И ведь какое ужасное невезение: до розовых кустов я не дошел. Ну, а Оливаресу это было на руку: когда я вернулся в дом, он довершил остальное.

— Что же именно?

Сара пыталась говорить репортерским тоном, вежливым и бесстрастным, но голос ее дрожал, и Керк на мгновение ободоряще сжал ей руку.

— Тебе нелегко это слушать, но я уже кончаю. Оливарес хитер. Он хотел, чтобы с ним кто-нибудь был, когда он найдет Тома. Как я понимаю, он пошел в дом и тут же разыскал Никки. До тех пор он все внимание уделял Барби, и дело как будто бы шло к помолвке. Но ведь Никки — известная хищница, а

тут — пылкий латиноамериканец, высокий, брюнет, так станет ли она считаться с такой мелочью, как чувства собственной дочери! Достаточно было Оливаресу предложить ей пройтись по саду, и она сразу за ним побежала. А наш герой ведет ее прямо-хонько к розовым кустам, тут он, словно невзначай, спотыкается о Тома и посылает Никки в дом за помощью. И вот тогда-то милейший Артуро продельывает все, что нужно — ему требуются считанные секунды, чтобы расцарапать Тому руку и ввести в царапину столбнячную бациллу.

— Каким же образом?

— Я полагаю, он сделал укол в самую середину царапины — подкожно. Царапина-то глубокая, так что точечный след от укола совершенно незаметен. А раздобыть эти бациллы — дело несложное. В Южной Америке смерть от столбняка — обычное явление. Возможно, замысел этот возник у него, когда он узнал, что у Чиверов заболел столбняком садовник. Этель рассказывала об этом каждому встречному и поперечному.

— Но ведь такая затея была бы очень сомнительной, — возразила Сара. — Ну что бы это ему дало? Ты представь себе: врач вводит Тому сыворотку, Том выздоравливает, и Оливарес остается ни с чем. Мало того: его положение может даже ухудшиться, если у Тома возникнут подозрения.

— А вот тут-то и начинается самая гнусная часть его плана. Видишь ли, я выяснил кое-какие подробности. Обычно, когда в царапину попадают бациллы столбняка, то, если даже сыворотку ввести порядочно спустя, она все равно подействует и эти гады передохнут. Но если внести инфекцию искусственно, так, чтобы она сразу попала в кровь, — вот это уже совсем другой переплет. Нормальная доза сыворотки рассчитана на обычную, сравнительно мягкую форму инфекции. Она не спасает больного, если бациллу ввели в огромном количестве путем инъекции. Кроме того, в скором времени у больного смыкаются челюсти, и он уже не может говорить, он совершенно беспомощен. У, этот Артуро дьявольски хитер! Понимаешь?

Керк умолк, ожидая ее ответа. На темнеющем небе показался узкий серп месяца, стали проглядывать первые звезды, легкий ветерок принес с собой запах роз, и Саре подумалось, что вкрадчивая красота сада усыпляет ее, словно наркотик, а ей сейчас так нужно, чтобы голова была ясная, чтобы мысль работала четко.

Она молчала, стараясь сосредоточиться. Керк пристально смотрел на нее.

— Вот так это, вероятно, и было, — снова заговорил он. — Я, во всяком случае, представляю себе все это только так.

Она машинально пощелкала замком своей простой черной сумочки. Он мгновенно отреагировал.

— А... Письмо Тома! Есть там что-нибудь насчет Оливареса?

— Да, его имя упоминается,— подтвердила Сара.— Скажи, Керк, ты делился своими подозрениями с кем-нибудь, кроме меня?

— А что бы это дало? Оливарес вне пределов досягаемости, прямых улик у меня нет. Тут ничего не поделаешь. Если бы я поднял шум, проку бы никакого не было — только лишние неприятности для Чиверов, а они и так всем этим страшно удручены. Для чего же попусту затевать скандал?

— Да, такие, значит, дела...— отозвалась Сара.— Пожалуй, пора идти в дом. Мы тут остались одни.

— Можно мне прочитать письмо Тома, или у тебя есть какие-нибудь возражения?

Помедлив немного, она сказала:

— Темно, ты ничего не увидишь.

— А я ношу с собой фонарик,— тотчас ответил он, и в голосе его чувствовалась напористость.

Керк достал из кармана изящный золотой фонарик в форме карандаша, показал его Саре.

— Рождественский подарок Чиверов. Вот он как раз и пригодился.

Щелкнула кнопка, и на Сарину сумочку упал узкий луч света.

— Послушай, Керк,— сказала Сара.— Том не разделял твоей антипатии к Оливаресу. Когда он писал, что один из его друзей замешан в скверную историю, то имел в виду кого-то другого.

— Полагаю, это тем более дает мне право прочесть письмо, как ты считаешь?

Ни слова не говоря, она открыла сумочку, достала конверт и, вынув из него один-единственный, густо исписанный на машинке листок, протянула его Керку. Когда он направил на листок луч фонарика, она инстинктивно отодвинулась подальше и закрыла глаза. Письмо она знала наизусть.

«Родная, соскучился по тебе невероятно, а ведь у нас с тобой уже такой солидный супружеский стаж — целых три месяца. Тоска одолевает меня с самого дня твоего отъезда (помни свое обещание — это твоя последняя командировка!), а тут еще прицепилась какая-то странная хворь. Должно быть, легкий гриппок или что-нибудь в этом духе.

Вчера вечером повалялся немного в саду, на сырой, холодной земле. Дело было у Чиверов, во время приема. Ты заинтригована? Спешу присовокупить, что я был один. Вообще какая-то странная история. Выпил я, в сущности, совсем немного.

Неужели мне что-нибудь подмешали в виски? У меня это просто в голове не укладывается. И все же какое другое может быть объяснение? Перед самым ужином меня вдруг стало мутить и очень захотелось спать. Я вышел в сад — думал, прогуляюсь немножко, а может быть, меня там вырвет — в общем, полегчает. Я понимал, что, если сяду, меня развезет окончательно, и поэтому старался ходить, но меня шатало все сильнее.

Я не разбирал дороги, была такая темень — ни луны, ни звезд, и стоило мне немного отойти от освещенного дома, как я начал спотыкаться. Вдруг передо мной запрыгал узкий луч света, и чей-то голос — я не разобрал, чей — позвал: Том!»

Я побрел было на свет, но он погас; после этого, помнится мне, я заметил какие-то блики, совсем рядом. Потом свалился прямо на розовые кусты, а может быть, меня кто-то на них толкнул.

Что было дальше — не помню. А когда я очнулся, то сидел на земле, и меня поддерживали Джерри и Артуро Оливарес. Помоему, ты с Оливаресом не знакома — славный парень, представляет в Вашингтоне новое патагвайское правительство. Они перенесли меня во флигель, там я всхрипнул немножко и вернулся домой, а теперь накачиваюсь чаем, лопаю аспирин и усердно промываю ссадины — оцарапался о шипы, когда свалился на розовый куст.

До чего же это не вовремя — мне сейчас никак нельзя свалиться, даже на один день. Тут назревает весьма острый материал в связи с Патагваем, и, возможно, придется туда лететь, если коллеги Оливареса в новом правительстве не сумеют раскопать нужные мне документы. Неприятно только, что, если история эта выплывет наружу, один из наших друзей попадет в щекотливое положение.

Я долго обдумывал этическую сторону дела, но пришел к выводу, что выбора у меня нет, — ведь на карту поставлена судьба целого народа. Я знаю, когда я изложу тебе все обстоятельства, ты со мной согласишься. А пока ограничусь этими несколькими строками — просто, чтобы ты не испугалась, если все это вскроется еще до твоего возвращения и до тебя станут доходить разные слухи.

Ну, а теперь пойду лягу в свою одинокую постель и попробую одолеть эту непонятную хворь думами о тебе: я убедился, что это — великолепное средство от всех моих бед. Береги себя, избегай опасности, не броди по темным закоулкам Дамаска и пиши! Помни, моя любовь к тебе возрастает с каждым часом. Том».

С подчеркнутой тщательностью сложив листок, Керк сунул его в конверт, который все это время держал в руках.

— Я рад, что ты показала мне это письмо. Должно быть, Том был в бреду, когда писал его.

— Ты это брось, Керк! — оборвала его Сара.

— Ну ладно, в бреду или не в бреду, но, во всяком случае, он явно чего-то недодумал. Оливарес, наверно, наврал ему с три короба, чтобы замести следы, и, хотя трудно себе представить, чтобы такой башковитый парень, как Том, на это клюнул, видимо, все-таки так оно и было. Неужели ты по-прежнему принимаешь это всерьез — после того, что я тебе рассказал?

— Просто я хочу знать все до конца. Я должна избавиться от сомнений.

— Надо показать письмо Джерри Чиверу. Ведь как-никак эта история произошла у него в доме. Он имеет право знать, что Том тут пишет. Ты не возражаешь, если я дам ему прочитать письмо?

— Не возражаю. Идем.

Глава IV

ЯВАНСКИЙ УЖИН

Этель Чивер сразу заметила, что они пришли из сада вдвоем.

— Ах вот ты где, Сара! Он уже обхаживает тебя? Вы оба, разумеется, остаетесь ужинать. Сегодня у нас яванские блюда.

И она жестом пригласила их в столовую рядом с большим салоном, где обычно сервировали поздний ужин. Три огромных люстры, в которых горело около ста свечей, освещали длинный, покрытый белой скатертью стол-буфет. Он был уставлен золотыми блюдами, и пламя свечей, отражаясь в их полированной поверхности, рассыпалось каскадами огоньков.

Гости обслуживали себя сами. Для них были сервированы десятка два круглых столиков — на каждом по пять-шесть кувертов и серебряное ведерко со льдом, из которого высывались горлышки бутылок с рейнвейном.

За длинным буфетным столом стояли дворецкий — англичанин Клифтон — и несколько горничных, готовые прийти гостям на помощь. Тут же был и второй шеф-повар Чиверов Пиланг — крошечный человечек в белых парусиновых брюках и огромном поварском колпаке, похожий, как подумалось Саре, на какой-то диковинный гриб. Его темное лицо расплывалось в широкой, обнажающей зубы улыбке — всем своим видом Пиланг показывал, что гордится своим искусством и готов принимать похвалы.

— Меню у него просто божественные, вот взгляни,— обратилась Этель к Саре и протянула ей одну из отпечатанных карточек, которые она раздавала гостям. Сара прочитала меню и передала его Керку.

— Ну и молодчина же вы, Этель! — восхитился Керк. — Вы в своем роде замечательный импресарио: ведь вы добились того, что приглашение на прием к Чиверам стало показателем общественного статуса, чем-то таким, чем люди хвастают — как, скажем, картиной Пикассо или скаковыми лошадьми.

— Очень мило сказано, Керк. Я, во всяком случае, намерена расценивать это как комплимент. А то ведь у вас в каждом слове ищи какую-нибудь подковырку. Придется мне потом поразмыслить над этой фразой. Он далеко пойдет, не правда ли, Сара? За этой представительной внешностью государственного мужа скрывается сердце Казановы и ум Макиавелли. Ах, до чего же пагубно действует Вашингтон на холостяков!

И, резко повернувшись на каблучках, она отошла.

Ужинать осталось человек сто, и, хотя потолок в большом салоне был высокий, шум голосов бил в стену, словно прибой. Сара увидела, как Клифтон встал у дверей столовой и по знаку Этель ударил в маленький гонг. Гости толпой повалили из салона, нетерпеливо устремляясь к буфету.

Сзади к Саре подошла внучка Чиверов Барбара.

— Будьте другом, Сар. Позвольте мне выплакаться у вас на груди. Я вот-вот разревусь.

Хотя видно было, что Барби чуть пьяна, говорила она отчетливо и быстро. При виде Керка в глазах ее зажегся враждебный огонек. Керк с понимающей улыбкой взглянул на Сару.

— Ну что ж, договорим потом. Я отвезу тебя домой.

И он отошел. Барби проводила его взглядом.

— Надеюсь, вы не собираетесь за него замуж, Сар? Просто видеть не могу этого типа.

— Почему, Барби?

— Да так, пустяки. Он всего-навсего разбил мне жизнь. Скажите, вы очень голодны? Если нет, то пошли отсюда, потолкуем, пока все эти кретины набивают свои утробы.

Она направилась к бару, расположенному в алькове большого салона.

— Ну вот, выпейте со мной за компанию. Вам, как обычно, шотландское виски?

Они присели на кушетку, и Сара спросила:

— Каким же образом Керк испортил тебе жизнь?

— Не только Керк. И бабка. И дед. И мать. У, они устроили целый заговор.

— А для чего?

— Чтоб разлучить меня с Артуро, вот для чего. Ах да, Сар, вы же не знаете Артуро! Но он про вас знал. Всегда читал ваши статьи, а я ему хвасталась, что знакома с вами. Однажды он сказал мне: «Поражаюсь, как может молодая женщина с таким блеском писать о политике и о войне». — У нее перехватило дыхание. — Ах, Сар, Сар! Я понимаю, каково вам без Тома. Потому что мне так же плохо без Артуро.

— Но ведь Артуро жив. И если вы любите друг друга...

— Да, любим. Любили. Я его люблю. Но он уехал, и я не знаю, когда теперь увижу его, а он не пишет. Зимой Джерри и Этель ездили в Патагвай. Я тоже туда полетела, надеялась разузнать, где он. Но раз генерал Сильвестре снова пришел к власти, Артуро уже не может вернуться на родину: его убьют. Поговаривали, что он в Чили, там патагвайцы готовят новый переворот, но точно никто ничего не знает.

— А как тебе понравилось ранчо Джерри?

— Ранчо? — Барби явно было трудно переключиться. Секунду-другую она потягивала коктейль, потом сказала: — Ах, ранчо... Роскошное, разумеется. Тысячи акров земли, тысячи пеонов и гаучо, огромные табуны и стада, огромная усадьба, несколько деревень. И Джерри, скачущий на коне с пистолетом за поясом, в сомбреро, в сапогах и прочих причиндалах из гардероба гаучо — ни дать ни взять герой из аргентинского фильма. Бедняга Джерри! Ведь, кроме этого ранчо, у него никогда в жизни не было ничего своего, и он им ужасно гордится. Он был совершенно убит, когда новое патагвайское правительство его конфисковало, и радовался как ребенок, когда Сильвестре опять пришел к власти и возвратил ему это ранчо.

По ее полным губам, накрашенным слишком темной помадой, резко контрастирующей с белокурыми волосами, пробежала ироническая усмешка.

— Он купил это ранчо, когда был послом в Патагвае? — спросила Сара.

— Не знаю. Тогда я была еще маленькая. Ей-богу, всю жизнь я держала сторону деда. Открою вам один секрет, если только вы его не знаете сами: бабка — сушая скряга. Пусть вас не обманывают ее миллионы и эти шикарные пьянки. Когда нужно кому-нибудь дать денег, ух как она зажимается! Хотите знать, что она подарила мне на рождение? Настольные часы. Даю честное слово. Старые настольные часы. Валялись, наверно, у нее в шкафу годами. А Джерри она всю жизнь выдает только мелочь на карманные расходы. В молодости боялась, должно быть, как бы он не бросил ее, если у него будут собственные деньги, — ведь он, понимаете ли, моложе ее. Обожаю выбалтывать всякие семейные дразни. На душе веселее становится! — И она жадно

прильнула к бокалу.— Бабка и в отношении папы показала себя страшной скупердяйкой. Ведь он хотел стать археологом, это она его загнала на медицинский. Исключительно ради денег. Объявила, что он недостаточно одарен для интеллектуальной профессии, но что при ее связях ему обеспечена в Вашингтоне прибыльная практика. И он ей покорился, как все. Бабка! Да я бы ей с удовольствием плюнула в глаза! Вцепится в какого-нибудь несчастного дурака и держит его в когтях — всегда она так. Вот сейчас вцепилась в Керка. И поделом ему.

— В Керка?

— Ну да. Керк метит в сенаторы, а неужели вы думаете, что он сможет провести избирательную кампанию на свои собственные деньги?

Язык у нее слегка заплетался, и Сара сказала:

— Надо бы закусить, а, Барби?

— Ой нет, пока не ходите туда. Любители пожрать на дармовщинку облепили буфет — вам придется выстоять целую очередь. А потом я хотела вас кое о чем попросить. Насчет Артуро.— И, заметив вопросительный взгляд Сары, выпалила: — Ведь вы, газетчики, можете разузнать чуть ли не все на свете, правда? Так вот, не могли бы вы каким-нибудь образом разыскать мне Артуро?

— Попытаюсь. Думаю, что нашим корреспондентам в Южной Америке удастся установить его местопребывание.

Девушка схватила Сарину руку и поцеловала ее. Свободной рукой Сара ласково приподняла белокурую голову Барби, погладила ее по щеке.

— Барби, я старше тебя почти на десять лет. Я не уверена, что это дает мне право тебя наставлять, но я тоже тебе очень симпатизирую и поэтому буду с тобой откровенна. Не считаешь ли ты, что Артуро сам должен установить с тобой связь? Ведь если он тебя любит...

— Любит! Я знаю, Сар, любит.— Голос у нее задрожал, но она залпом допила коктейль и решительно взглянула Саре в глаза.— Он не обманщик. Как жаль, что вы с ним незнакомы! Замечательный человек, и любит меня не меньше, чем я его. У нас в семействе об этом не знали, но я раз пять приезжала сюда из колледжа с субботы на воскресенье, чтобы с ним встретиться. Нам было так хорошо вдвоем! Мы собирались объявить о нашей помолвке. Это было как раз за несколько дней до того... до того, как умер Том. А потом все рухнуло.

Встретив горестный взгляд девушки, Сара проговорила:

— Барби, ты была здесь в тот вечер... Расскажи, как все это случилось.

— Этого вечера мне не забыть никогда. Артуро был взбе-

шен — это его Керк довел. Он сказал мне: Керк обвиняет его в том, будто он нарочно затягивает переговоры, — вранье, конечно. Именно Керк выискивал тысячи всяких поводов для оттяжек. Мы ходили с Артуро по саду, и я помню, какое у него было лицо, когда он сказал, что из-за одного интригана-чинуши под угрозу поставлено будущее целого народа и что с этим нельзя мириться. Он о чем-то хотел поговорить с Томом, искал его. Том так ему нравился, Сар. Потом я видела, как они разговаривали в баре. А после этого... — Голос ее сорвался. — О, Сар, это было ужасно!

— Говори, Барби, говори!

— Я с кем-то болтала, вдруг вижу — мать выходит с Артуро в сад, она держит его под руку. Сперва я подумала, что Артуро решил рассказать ей про нас, — мне только было непонятно, зачем для этого идти в сад. Минута идет за минутой, а их все нет, и тут я встревожилась — я ведь знаю, что является собой моя мамаша, когда выпьет. Вернее сказать, я вообще знаю свою мамочку — в подробности вдаваться не будем. Вдруг она влетает в салон одна, вся красная, подбегает к Джерри, и он за ней следом уходит в сад. Я испугалась — не случилось ли чего с Артуро, — и побежала за ними. В саду было темно, и я ничего не увидела, но слышала голоса. Потом показались Артуро и Джерри за ними мать. Они, можно сказать, несли Тома на себе. Видно было, что идти он не в состоянии. Я спросила мать, что происходит, а она говорит — ничего особенного, просто Том напился до потери сознания, — и ушла в дом. Джерри и Артуро внесли Тома во флигель для прислуги, а я осталась ждать у двери. Очень скоро Артуро вышел и сказал мне, что должен разыскать моего отца, — Тому нужен врач, — и тоже ушел в дом. Я — за ним. И вот тогда я заметила это.

— Что же, Барби?

— Следы помады у него на щеке и на губах. Это была оранжевая помада матери, Сар. Передать вам не могу, что со мной сделалось. Мне хотелось кого-нибудь убить! Я сразу поняла, что она проделала или пыталась проделать.

Сара молча погладила ее руку.

— Все, что было потом, — какой-то сплошной кошмар. Я понимала, Артуро не виноват, но была так взбешена, что не утерпела, накинулась на него. «Прежде всего, — говорю, — ступай и сотри со своей физиономии помаду, крыса ты вонючая, а потом возвращайся, и я тебе популярно объясню, какая ты гнусная мразь». Надо же было такое ляпнуть — и кому, латиноамериканцу, а они такие гордые. Он весь побелел и говорит: «Ну что же, пусть. Теперь нам все равно надеяться не на что». И ушел. Совсем ушел.

— И больше вы не встречались?

— Нет, встретились еще раз. Назавтра я позвонила ему, и тут я поняла, что он любит меня по-настоящему, — он сказал, что тоже хочет со мной увидеться. Мы с ним позавтракали вместе. Он был такой серьезный. О помаде — ни слова. Вероятно, все это было ему противно до последней степени. Сказал, что любит меня, но наш брак был бы связан с большими трудностями. Я поняла это так: он увидел, что за штучка моя мамаша, и боится, как бы я не пошла по ее стопам. Но он говорит: нет, тут совсем другие причины. Я стала допытываться: какие, какие? Наконец он сказал, что не хочет становиться между мной и моей семьей. А я говорю: мне на мое семейство плевать, я люблю только его, куда он, туда и я. Тогда он поцеловал мне руку, и вид у него был такой, словно я всадила ему нож прямо в сердце. Он все твердил: это трудно, невероятно трудно... Ему пора было возвращаться в свою приемную, и мы договорились встретиться на другой день. Но больше уже не встретились. — В глазах ее заблестели слезы. — В тот же вечер пришло известие, что Сильвестре поднял мятеж, и Артуро получил от своего правительства телеграмму — его срочно отзывали. Он позвонил мне, чтобы проститься — он страшно торопился на самолет, — и это был последний раз, когда я слышала его голос.

— Ты думаешь, что он... что он ранен в бою?

Барби качнула головой, и слезинки выкатились у нее из глаз.

— Простите меня, Сар. Я это так. Ничего. Нет, я уверена, что он цел и невредим. Дед узнал по моей просьбе: прежнее правительство и его служащие выехали в другие страны. По слухам, Артуро в Чили. Но адреса его мы раздобыть не смогли — он перешел на нелегальное положение или что-то в этом роде; словом, мне не удалось с ним связаться, а сам он не пишет. Считает, наверно, что все равно нет смысла — между ним и мною встала моя семья, да к тому же он на положении беженца...

— Да, вполне возможно. Вероятно, он думает, что тебе лучше его забыть.

— Как будто бы это в моих силах! — воскликнула Барби. — Но вы мне поможете, Сар? Да? Вы же обещали!

— Я сделаю все, что смогу. А сейчас, Барби, приведи-ка себя в порядок и ступай поешь. Нас вот-вот хватятся, так что я лучше пойду.

Когда Сара вошла в столовую, ее приветствовал целый хор голосов, но их все перекрыл низкий, скрипучий голос Этель Чивер:

— Куда ты запропастилась? Возьми себе чего-нибудь поесть

и садись вот сюда, рядом со мной. Непременно попробуй суп— это фирменное блюдо Пиланга.

Горничная вручила Саре поднос, на котором стояла одна-единственная большая тарелка, и Сара двинулась вдоль длинного, уставленного яванскими блюдами стола, а горничные, одна за другой, накладывали ей на края тарелки понемножку с каждого блюда. В конце стола на груде мелко искрошенного льда высилась огромная супница. Пиланг с улыбкой знатока налил Саре половник прозрачно-зеленоватого черепахового супа.

Сев наконец за столик рядом с Этель, Сара попробовала суп и одобрительно улыбнулась: его тонкий аромат и поразительно нежная консистенция — он не был слишком густой и не слишком жидкий — все отвечало лучшим традициям индонезийской кухни.

— Восхитительно, правда ведь, а? — настойчиво допытывалась Этель. — Пиланг говорит, у него уходит на приготовление этого супа несколько дней. Сперва он варит обычный яванский суп, процеживает его, потом добавляет изготовленную по его собственному рецепту приправу и ставит бульон на холод. Все в восторге от этого супа.

— Мне доводилось есть яванский суп, но до этого ему далеко, — признала Сара

— Ой, непременно скажи это Пилангу! Мне хочется, чтобы он всегда был доволен. С полдюжины посольств пытаются его переманить у меня. Знаешь, о нем уже пишут во всех газетах, и у него вырабатываются повадки примадонны.

— Сейчас скажу, — успокоила ее Сара и, подойдя к длинному столу, обратилась к яванцу: — Пиланг, можно еще половник вашего супа? Превосходный суп. Даже в лучших ресторанах Джакарты не получишь такого.

От удовольствия Пиланг так и расплылся в улыбке.

— О, леди бывать Джакарта! Раньше там хорошо было служить повар в богатый дом. Теперь не так хорошо. Больше нет богатый голландцы. А здесь много богатый люди, и я готовить им мой особый блюда.

— Ну, это нам очень повезло, — сказала Сара. — А где вы берете все ингредиенты? Ну, то есть все, что вы кладете в суп? Ведь здесь этого не купишь, правда?

— О, нет. Я получать их в особый жестянки прямо из Джакарта. Там у меня для этого особый друзья — они посылатъ. Очень дорого. Но Чиверы — очень богатый.

И он снова оскабился.

— А случалось, чтобы эти ваши жестянки кто-нибудь крал?

— Леди?

— Ну, мне просто любопытно: вы не припоминаете случай-

но, с полгода тому назад у вас не пропала одна такая жестянка?

Пиланг широко раскрыл глаза, но тотчас же его коричневое лицо превратилось в непроницаемую маску.

— Одна жестянка? Большой дело! Может, и пропадать. Я не помню.

— Ну что ж, Пиланг. Спасибо за суп, я его никогда не забуду.

Увидев, что у буфета снова столпились гости — они накладывали себе на блюдечки ломтики свежих фруктов в ликере, — Сара вернулась к своему столику.

— Пиланг рассказывал мне про жестянки, которые он получает из Джакарты, — обратилась она к Этель.

— Ох уж эти жестянки! Пиланг с Джерри разработали целый сложный план, как их добывать. Они стоят нам бешеных денег — я уверена, что Пиланг и его дружки хорошенько на них наживаются. Ну, как тебе понравился наш яванский ужин? — осведомилась Этель. И тем же самым тоном добавила: — Керк говорит, ты считаешь, что Тома убили.

— А тебе самой никогда это не приходило в голову? — спросила Сара.

— Что за гадкие мысли, Сар! Ну зачем ты так?

— На моем месте, Этель, ты подумала бы то же самое.

— Да, пожалуй. Может быть, это дело рук Артуро. Насколько мне известно, именно так считает Керк. Но ведь прошло уже столько времени — разве теперь можно что-нибудь установить? Для тебя это, разумеется, имеет значение, я понимаю, Джерри! — окликнула она мужа, проходившего мимо. — Посиди с Сарой, я схожу посмотрю, что делается в салоне. Оставайся, Сар. Когда все разойдутся, мы хорошенько поговорим.

Она поднялась из-за стола, и Чивер сел на ее место. По нему совершенно не было видно, что выпил он порядочно. Он отлично владел своим голосом.

— Ну, как поживает богиня Диана? — спросил он добродушно-насмешливо. — Керк показал мне письмо Тома, и я позволил себе ознакомиться с его содержанием остальных членов семьи. Ах да, ты ведь хочешь его получить обратно. На, держи.

Он вынул письмо из кармана, и Сара спрятала его в сумочку.

— Джерри, ты разделяешь мнение Керка, что Тома убил Артуро Оливарес?

Чивер понизил голос:

— Ответить на этот вопрос чертовски трудно. Какие, собственно, на то доказательства? И зачем непременно доказывать, что это убийство, когда, вероятней всего, тут несчастный случай? Сар, я понимаю, каково тебе, но так же нельзя. Том по-

гиб. Думай о будущем, а не о прошлом. Ты красивая, одаренная, молодая, у тебя вся жизнь впереди. Не отдавай себя в жертву прошлому.

— Я и не собираюсь, Джерри. Просто сделаю то, что считаю своим профессиональным долгом. Том погиб, работая над важной статьей. И я намерена закончить ее за него.

Столовая понемногу пустела, стулья освобождались один за другим, и вскоре Сара с Чивером остались за своим столиком вдвоем.

— Ну и как у тебя идет дело? — поинтересовался Чивер.

— Кое-что начинает вырисовываться.

— Понятно. Надеюсь, Сар, ты не натворишь ошибок.

— Постараюсь.

— Еще стаканчик вина?

— Нет, спасибо. Вино превосходное и ужин тоже, но с меня достаточно. Тебя, должно быть, тоска берет — сидеть и смотреть, как я ем. Право же, с меня предостаточно. Пойдем?

...В двенадцатом часу последние гости покинули дом Чиверов; оставались только Сара и Керк.

Вот уже с полчаса Сара сидела в саду одна, на той же скамье, где раньше сидела с Керком.

Горькое чувство одиночества овладело ею, ей хотелось заплакать, но она поборола искушение — сейчас не время жалеть себя и предаваться сантиментам. Она так углубилась в свои мысли, что не видела Керка, шагавшего к ней по залитой лунным светом лужайке — заметила его, лишь когда он был уже в двух шагах от скамьи. Как раз в этот момент он заговорил, и по его голосу чувствовалось, что он раздражен до последней степени.

— Сара, ради всего святого, что ты тут делаешь? И вообще что ты затеяла? Ты же ставишь Чиверов в очень неловкое положение.

— В самом деле, неудобно, — сказала она и поднялась со скамьи.

— Все уже разошлись. Я обещал отвезти тебя домой. Ты готова ехать?

— Нет, Керк. Я тебя задерживаю? Мне надо кое о чем переговорить с Чиверами.

— О господи! Чего ты добьешься? Они же с ног валяются. Мы все умираем хотим спать. Чертовски неподходящий момент для разговора.

— Для того, что я собираюсь им сообщить, любой момент будет чертовски неподходящим.

— Как это понимать? — раздраженно бросил Керк.

Он стоял перед ней — большой, сильный — и сердито смотрел на нее; но постепенно взгляд его смягчился, и он сказал глуховатым голосом:

— Ты дьявольски хорошенькая сейчас — волосы у тебя подсвечены луной...

Она вдруг испугалась, как бы он ее не обнял, и быстро шагнула вбок, мимо него.

— Пошли в дом, — сказала она. — Тебе тоже нужно это послушать...

Глава V

У ПЕРЕНОСНОГО БАРА

Сара настолько привыкла видеть в большом салоне толпу гостей, что сейчас он показался ей совершенно безлюдным: те пять человеческих фигур, что, застыв в напряженной неподвижности, безмолвно глядели на нее, скорее напоминали бездарную скульптуру. Казалось, все они ждут чего-то и собрались вместе в силу неодолимой внутренней потребности, вдруг обретя семейное единство, которого у них никогда не было прежде.

Даже Барбара была тут — она сидела на длинном диване рядом с отцом, держа его руку в своей. Из этой семейной группы больше всех бросалась в глаза Этель Чивер, сидевшая по другую сторону Барбары. В своем сверкающем одеянии из золотой парчи, резко выделяющемся на синей обивке дивана, и в пламенно-рыжем парике она казалась фантастической махарани, сошедшей с древней индийской фрески, и даже дымок от сигареты, которую она держала в руке, словно бы шел от благовоний, воскуряемых божеству.

Подле Этель в глубоком кресле неподвижно сидел Джерри Чивер, не отводя глаз от рук жены, унизанных бриллиантовыми кольцами. Только Никки, присевшая на стул у другого конца дивана, все время была в движении. Пока Сара и Керк шли через

комнату, она закинула ногу за ногу, расправила юбку, потом перегнулась к мужу, что-то шепнула ему и пожала плечами в ответ на его слова.

Лишь услышав тихое позвякивание стекла, Сара обнаружила, что в салоне был еще один человек — дворецкий Чиверов Клифтон. Двигаясь бесшумно и неприметно, он установил около сидящих переносный бар, расставил на нем красивые темно-синие стаканы. Потом повернулся к Этель и почтительно спросил:

— Будут еще какие-нибудь распоряжения, мадам?

— Нет, Клифтон, благодарю вас, — ответила Этель своим обычным низким голосом. — Мы сами о себе позаботимся. Спокойной ночи. Сар и вы, Керк, берите стулья, подсаживайтесь, выпьем. Люблю эти тихие минуты после званных вечеров. Знаешь, Сар, две недели тому назад, после такого вот приема, мы с Джерри и двое сенаторов — их имен я не называю — фактически назначили нового министра торговли. Фред, ты у нас будешь за бармена, ладно? Саре — шотландское виски, всем остальным — «Бурбон». А вот Барби, по-моему, уже хватит.

И пока Фред послушно исполнял приказание, она завладела разговором, подчиняя их всех своей воле, оставляя без внимания молчаливый протест внучки.

— Были какие-нибудь интересные для меня сплетни? Керк, вы говорили с министром юстиции о событиях в Калифорнии? Что он сказал?

— Да ничего особенного, — буркнул Керк, а Джерри Чивер угрюмо встал:

— Этель, прежде чем мы займемся Калифорнией... — И он пристально поглядел на Сару. — Я боялся, Сар, что ты ушла. Мы хотим поговорить с тобой. Я все думаю о том, что ты сказала мне за ужином. Мы любим тебя, ты это знаешь, и всей душой сочувствуем твоему горю, но не кажется ли тебе, что тыхватила через край? У меня создалось впечатление, что ты считаешь одного из нас убийцей Тома. Так ведь, в сущности? Ты уж меня прости, но я должен сказать тебе: это просто смешно, это совсем не по-дружески и очень нам неприятно.

Сара, неподвижно сидевшая на стуле, помолчала, ожидая его дальнейших слов. Но их не последовало, и она заговорила громким, ровным голосом:

— Вам неприятно. Но Тому тоже было неприятно, если ты помнишь. Не по-дружески, говоришь. Извини, Джерри, но, пожалуй, правильной будет, если вы с этой минуты перестанете считать меня гостей. В данный момент я журналистка и собираю материал для статьи. А насколько все это смешно... Ну что ж, там увидим.

Никки беспокойно заерзала на стуле.

— Для статьи, Сар? Какая такая статья? Мне никто ничего не говорил ни про какую статью. И вообще я считаю, это нечестно с твоей стороны — приходить сюда под видом нашей приятельницы, а потом писать про нас статьи. Том никогда так не делал, а ведь он был знаком со всеми нами гораздо дольше, чем ты. Мне кажется, я знала его достаточно хорошо, чтобы сказать...

— Прекрати,— устало обронил Джерри Чивер, но она все порывалась договорить, и тогда, к удивлению Сары, Фред жестко бросил: — Довольно, Никки! — и, сунув ей в руку стакан, посмотрел на нее таким взглядом, что она опустила глаза и умолкла.

— Так я хочу познакомить вас с содержанием моей статьи,— проговорила Сара, поудобнее усаживаясь на стуле.— У вас есть на это право, потому что все вы будете в ней фигурировать. Я намерена напечатать ее в одном из ведущих журналов. Заголовок будет в таком примерно роде: «Кто убил моего мужа Тома Бэртона?» Звучит, разумеется, сенсационно, но это как раз мне на руку. Моя цель — вынудить полицию заняться расследованием обстоятельств смерти Тома. Полагаю, что по собственной инициативе, без нажима, вашингтонская полиция не станет раскапывать эту скандальную историю — они побоятся задеть такого влиятельного человека, как ты, Джерри. Но когда я опубликую в каком-нибудь видном журнале острую обличительную статью и заручусь поддержкой своих друзей в конгрессе, то, полагаю, мне удастся заставить полицию начать расследование. А как на ваш взгляд?

В комнате стояла мертвая тишина, нарушаемая лишь негромким позвякиванием бутылок, которые переставлял на маленьком баре Фред.

— Мне надо выпить,— угрюмо пробормотала Барбара.

— Ну, ладно, налей ей,— поддержал ее Джерри.

Этель только плечами пожала.

— Пожалуйста, папочка, джин с тоником.

Фред налил ей, потом сел на диван.

Сжимая в руках холодный стакан, Сара заговорила снова, сама поражаясь той упругой силе, которая звучала теперь в ее голосе:

— Моя статья начинается с тебя, Керк.

Он изумленно поднял брови.

— Да?

— Ты обвинил Оливареса в том, что он затягивал переговоры о предоставлении займа Патагваю. Если это правда, то вполне может быть, что Оливарес работал на Сильвестре и именно он убил Тома, чтобы избежать разоблачения.

— Нет! — крикнула Барбара. — Нет, Сар! Он ненавидел Сильвестре! Никогда в жизни он не стал бы вредить Тому! Он был очень к нему расположен!

— И Тому Оливарес был по душе, — отозвалась Сара. — Он написал мне об этом в письме, а ведь он разбирался в людях, и его нелегко было провести. Так вот, Керк, в статье мне придется проанализировать такой вариант: лгал вовсе не Оливарес, а ты.

Керк так и впился в нее взглядом; у рта его легли жесткие складки.

— На твоём месте, Сара, я бы такого писать не стал. Ты знаешь, как я к тебе отношусь, но это не помешает мне схватиться с тобой, если ты хочешь схватки. Есть, знаешь ли, на свете такая вещь, как закон о клевете.

— О да, я об этом законе знаю. Но, как журналистка, я знаю также, как его обойти и в то же время сказать все, что мне нужно. Так что ты за меня не беспокойся, Керк. Я умею подавать материал в печати. Я же не напишу так прямо, в лоб, что ты солгал. Нет, я только задам вопрос: если ты лгал, то для чего? Из каких побуждений?

Теперь уже все шестеро смотрели на Сару, не отводя глаз, словно загипнотизированные, и она чувствовала, что берет верх, что сил у нее прибывает.

— При твоём положении в государственном департаменте для тебя не составляло труда затягивать переговоры о займе. Ты понимал, что это приведет к падению нового правительства, и у власти снова окажется Сильвестре. Но я не хочу сказать, что Сильвестре тебя подкупил. По-моему, Керк, я достаточно хорошо тебя знаю. Ты очень честолюбив, карьера у тебя на первом плане, а деньги — на втором. И ты в жизни не стал бы рисковать ради денег своим будущим — ты же метишь в правительство. Нет, стяжателем ты никогда не был.

— И на том спасибо, — буркнул Керк.

Но Сара не улыбнулась в ответ.

— Больше тебе благодарить меня будет не за что. Ведь еще остается нерешенным вопрос: если не взятка, то что же все-таки побуждало тебя затягивать переговоры?

— Если только я действительно их затягивал.

— Совершенно верно. Вот я и переберу в статье все твои возможные мотивы. Мне кажется, не лишено интереса следующее обстоятельство: через пять месяцев после возвращения Сильвестре к власти ты ушел из государственного департамента и оповестил всех и вся, что намерен баллотироваться в сенат США от своего родного штата. Но ведь для этого нужны немалые деньги и негласная поддержка влиятельных людей. Другими

словами, тебе нужен богатый покровитель, вроде твоего приятеля Джерри.

Чивер саркастически хмыкнул. Он сидел, небрежно развалился в кресле, нога за ногу, в руке стакан, на цветущем лице — корректная улыбка, седая шевелюра в безупречном порядке, весь воплощенное радушие и достоинство.

— Я не делаю никакого секрета из того, что поддерживаю Керка. Да, Сар, я его, безусловно, поддерживаю. Он мой друг, и из него будет отличный сенатор. Так отчего бы мне не помочь ему?

— Все это так, — подтвердила Сара. — Но, может, правильнее было бы сказать, что помогает ему Этель, а не ты, Джерри?

— Сара, я никогда не предполагала, что ты можешь быть груба, — резко сказала Этель. Ее густо накрашенные ресницы злобно подрагивали.

— Ничего, дружочек, — с подчеркнутой терпимостью проговорил Чивер. — Просто у Сары сдали нервы... Всем известно, что деньги твои. И что мы с тобой действуем сообща. Так что не обращай внимания.

— Теперь рассмотрим факты в их последовательности, — продолжала Сара. — Возникает вопрос: если Керк задерживал предоставление займа Патагваю, то не действовал ли он в ваших интересах? Не потому ли он затягивал переговоры с Оливаресом, что это было выгодно вам, а стало быть, полезно и для его политической карьеры?

Керк мрачно усмехнулся.

— Пожалуй, надо бы дать тебе напечатать эту статью. Я смог бы содрать миллион за диффамацию с того журнала, который ее опубликует. Довольно витать в облаках, Сара. Спустись на землю. Ты же знаешь, как работает государственный департамент. Каждый этап переговоров с Оливаресом фиксировался, и отчеты подшивались в досье. Если где-нибудь и случалась задержка, то все записано в документах черным по белому, с изложением причин, и утверждено всеми инстанциями.

— Ну, еще бы, — ответила она безмятежно, — это само собой разумеется. Ясное дело, ты прикрылся всякими отчетами и объяснительными записками — не подкопаться. Но я же не пытаюсь разоблачать недостатки в работе государственного департамента. Сейчас речь идет об убийстве.

При слове «убийство» вновь воцарилось враждебное молчание. Одна лишь Барбара по-прежнему смотрела на Сару без злобы — она просто выглядела смущенной и явно была под хмельком.

— Так вот, — снова заговорила Сара. — Чтобы понять, как

произошло убийство Тома, необходимо разобраться в мотивах, которыми руководствовался убийца. И мне думается, я в них разобралась.

В ее глубоком, низком голосе чувствовалась такая напористая сила, что никто не решался ее прервать, и, поднеся к губам синий стакан, она продолжала:

— Из-за проволочек с займом патагвайское правительство потеряло поддержку армии, и к власти снова пришел Сильвестре. Сперва я подумала: а может, с займом тянули просто для того, чтобы помочь Сильвестре, — ведь всем известно, Джерри, что он твой приятель. Но у меня одно вызывало сомнение: неужели ты мог пойти на такой риск, вступить с Керком в сговор, чтобы сорвать планы нашей дипломатии в Патагвае, — и все это ради старой деловой дружбы? Не могу поверить!

— И я не могу, — со смехом подхватил Чивер. — Значит, мы наконец-то пришли к соглашению.

— О, нет, Джерри. Ты мог и по другой причине желать, чтобы Сильвестре снова стал диктатором. И чтобы понять ее, надо вернуться к тем временам, когда ты был в Патагвае послом, а Сильвестре — полновластным хозяином.

Чивер пристальнее взгляделся в нее, потом бросил взгляд на жену и усмехнулся.

— Ах вот она, твоя версия. Что ж, мы слушаем.

— Ты просто дурочка, Сара, — вмешалась Этель. — Неужели тебе непонятно, что ты лишаешь себя нашей дружбы?

— Ну, эту потерю я как-нибудь перенесу, — парировала Сара. — А угрозы мне теперь не страшны. Так вот, Джерри, вернемся на семь лет назад. Мы тут с Керком разговаривали перед ужином, и он, между прочим, напомнил мне, что в те времена Соединенные Штаты предоставили правительству Сильвестре изрядный заем. Сделано это было, несомненно, по твоей рекомендации — ведь ты тогда был послом в Патагвае. Кстати, денег этих Сильвестре так и не вернул, ни одного цента. А потом произошла интересная вещь: ты приобрел в Патагвае огромное ранчо. Такая богатая estancia¹ стоит уйму денег.

— Ну, и что же тут удивительного? — накинула на нее Этель. — Мы можем себе это позволить.

— Разумеется. Все дело в том, купили ли вы его. Вот где зарыта собака.

— Конечно, купили.

— В таком случае вы сможете это доказать, предъявив чеки и купчую.

¹ Поместье (и с п., пргм. п е р е в.).

— Ты вконец обнаглела. Мы ничего не намерены тебе предъявлять! — бросила Этель, словно выплюнула.

Все это время Сара сидела как на иголках, но тут вдруг с облегчением улыбнулась, словно это были те самые слова, которые ей хотелось услышать.

— Правильно. Вам и не придется ничего предъявлять, пока полиция не потребует. А когда потребует, вряд ли у вас найдутся хоть какие-нибудь оправдательные документы — я так думаю. Потому что я представить себе не могу, чтобы ты, Этель, всадила столько денег в поместье где-то там, в Южной Америке. Ведь оно стоит миллионы. Вложить такие деньги в ранчо, да еще в такой стране, как Патагвай, — нет, ты не могла не видеть, что предприятие это, по меньшей мере, рискованное. Да и на что оно вам, это ранчо? Проводить там отдых? Ненужная роскошь. Оно так далеко, что просто нет смысла его содержать: этой зимой вы съездили туда впервые — за столько лет! Нет, Этель, я слишком высокого мнения о твоём хваленном финансовом чутье, чтобы поверить, будто ты ухлопала на ранчо столько денег — даже из желания сделать Джерри приятное. Какой-нибудь чисто символический платеж — несколько тысяч долларов, чтобы оформить сделку официально, — вот это, пожалуй, еще могло быть. Но, вероятней всего, ранчо подарено Джерри генералом Сильвестре в знак благодарности за помощь в каком-то деле. Ведь этот диктатор конфисковал у своих противников немало поместий — вот он потом и раздаривал их тем, кто ему полезен или мог оказаться полезным.

Сохраняя на лице прежнее удивленно-насмешливое выражение, Чивер укоризненно покачал головой.

— Стало быть, так: у меня есть ранчо в Патагвае, и я опасался, как бы новое правительство не конфисковало его, боялся его потерять, и поэтому, наряду с многими другими, хотел, чтобы Сильвестре вернулся к власти. И это ты хочешь изобразить как мотив для убийства? Фантазия, бред какой-то. Нет, Сар, у тебя просто сдали нервы. Тебе надо отдохнуть

— Ты пытаешься увести меня в сторону. Но я кое-что повидала на своем веку, я-то знаю, как крутятся колесики в правительственном механизме. Я вовсе не утверждаю, что главным твоим побуждением было сохранить ранчо, хотя, безусловно, и это сыграло известную роль. Нет, суть вот в чем: каким образом ты его получил? Так сколько ты за него отдал, а, Джерри?

Все еще продолжая улыбаться, Чивер пригладил элегантную седую шевелюру.

— Мне как-то не нравится, что хорошенькая молодая женщина разыгрывает из себя прокурора у меня в доме.

— Что ж, тогда сделаем иначе: вы не возражаете, если я

подниму этот вопрос в своей статье? Он заинтересует очень многих, в том числе кое-кого в государственном департаменте, в министерстве юстиции и даже в Белом доме. Ведь если ты, Джерри, будучи послом, принял от главы правительства, при котором был аккредитован, ценный подарок, то ты совершил серьезное преступление. Если ты помог патагвайскому диктатору выжать из нашего правительства сто миллионов долларов и получил от него взятку, это пахнет несколькими годами тюрьмы и лишением гражданства, ты будешь опозорен на всю жизнь. Вот это, Джерри, на мой взгляд, достаточно серьезный мотив для убийства.

Барбара испуганно охнула.

— Нет, Сар,— хрипло проговорила она.— Пожалуйста, не говорите так. Только не дедушка!

Чивер улыбнулся внучке, но когда он снова взглянул на Сару, улыбка сбежала с его лица, и в голосе зазвучали жестокие нотки:

— Не будь душой. И меня не считай дураком. О таких вещах, как честь и порядочность, говорить не будем, поскольку в мою порядочность ты явно не веришь. Так вот, не говоря уже об этих элементарных вещах,— неужели же я, по-твоему, настолько глуп, чтобы пойти на такой риск — принять от Сильвестре ранчо в подарок?

— Ну, если бы ты действительно считал это риском, то, разумеется, не принял бы. Но ты был уверен, что об этом ни одна душа не узнает. Не сомневаюсь, что была составлена купчая, притом по всей форме, и в ней значилась солидная сумма, которую ты якобы уплатил за ранчо. Покуда Сильвестре оставался у власти, ты был в полной безопасности. В то время никто не осмеливался пойти против него. А соблазн получить это ранчо был так велик, что ты не устоял. Тебе страшно хотелось иметь хоть что-нибудь свое, сознавать, что ты не просто муж богатой жены, а сам по себе богат,— ведь эта мысль наверняка гвоздила тебя долгие годы, а, Джерри?

— Джерри! — выкрикнула Никки.— Не позволяй ей так с тобой говорить!

Но Чивер уже опять казался абсолютно спокойным.

— Пускай выговорится. Она просто переутомлена. И чем скорее она отделается от своей бредовой идеи, тем скорей мы сможем обо всем этом забыть. Она помнит, я уверен.

Сара, казалось, пропустила его слова мимо ушей, только крепче сжала обеими руками синий стакан.

— А ведь такие вещи, Джерри, трудно сохранить в тайне. Уж, конечно, в Патагвае об этом кто-нибудь да проведал. И здесь кое-кто догадывался. Ведь до сих пор непонятно, почему

ты тогда ушел со своей должности и больше уже не получал никаких назначений. Бесспорно, в государственном департаменте кое у кого возникли подозрения, но для того, чтобы начать расследование, видимо, было маловато фактов. И потом, для государственного департамента такой скандал — нож острый, и они предпочли бы его избежать. Верно, Керк?

Он сидел с каменным лицом.

— Это ты так говоришь,— процедил он сквозь зубы.— И ты еще пожалеешь об этом.

— Да? Ну, что ж, посмотрим. Вполне можно себе представить, как разворачивались события после того, как Сильвестре свергли и вышвырнули из Патагвая. Владелец поместья, естественно, потребовал его обратно. Тогда новое правительство конфисковало ранчо и стало выяснять, при каких обстоятельствах оно было передано тебе, Джерри. И вот тут над тобой неожиданно нависла серьезная опасность: ведь если выяснится, что твоя купчая — липа и если федеральный суд наложит арест на ваш счет в банке, это конец!

— Если, если, если! — с нескрываемой злостью передразнил ее Керк.

— Не впадай в истерику, Керк! — оборвала его Сара.— Вот кое-какие факты — мне их сообщил ты сам. Белый дом относился к новому патагвайскому правительству сочувственно. Казалось бы, заем — дело верное. У тебя не было никаких оснований затягивать переговоры. Но вдруг ты узнаешь, что конфисковано ранчо — ага, повод найден. Ты уже можешь прервать переговоры и заявить, что они не возобновятся до тех пор, покуда ранчо не будет возвращено его американскому владельцу, то есть тебе, Джерри.

— Ну и что же,—сердито возразил Керк.— Вполне разумная тактика. Очень многие конгрессмены поддерживали бы меня.

— Возможно. Но вся суть в том, что при желании ты мог отложить вопрос о ранчо и ускорить решение насчет займа. Ты ведь не станешь этого отрицать?

— А я вообще не намерен что бы то ни было отрицать или подтверждать. Чего ради?

— Ну, хотя бы ради того, чтоб облегчить свою совесть. Во всяком случае, ход рассуждений — твоих и Джерри — вполне ясен. Патагвайское правительство в любой момент могло прислать Оливаресу документы, подтверждающие, что Джерри получил ранчо от Сильвестре в подарок. Если бы эта история выплыла на свет божий — тогда всё, катастрофа. Но Джерри не растерялся: он тут же решил приручить Оливареса, сделать его своим другом. И вот вы стали приглашать Артуро на свои знаменитые приемы, всячески его обхаживать. Познакомили его с

Барби. Ты, Барби, едва ли понимала, что происходит. Я не сомневаюсь, что вы полюбили друг друга по-настоящему. Но ваш роман всячески поощряли. Этель и Джерри надеялись, что как будущий муж или даже любовник их внучки Артуро станет плясать под их дудку и, если дело дойдет до скандала, поможет его замять.

— Сара...— едва выговорила Барби, глядя на нее расширенными, потемневшими глазами.

— Бедняжка Барби. Все это время ты приезжала сюда из колледжа с субботы на воскресенье только для того, чтобы встретиться с Артуро. Думала, никто ни о чем не догадывается. А они все знали и ликовали в душе. Вашу любовь использовали как прикрытие...

— Нет, быть не может,— прошептала девушка и расплакалась.

— Да, Барби, да. Всегда лучше знать правду, пусть это и больно. Теперь им уже ничего не утаить. Вот что это за людишки, вот что скрывается за всем этим блеском и шиком.

— Не обращай внимания, Барби,— сказал Чивер и ободряюще махнул ей рукой.— Это же все абсолютно бездоказательно, сплошная фантазия. Мне, например, даже интересно, какой будет конец.

— Да, вот и меня этот бред просто завораживает,— поддержала его Этель.— Мне необходимо выпить. Фред, будь так любезен...

— Кому еще? — с готовностью отозвался Фред, поднимаясь с дивана. Лицо его странным образом выражало спокойное довольство, он словно не слышал Сариных слов и разыгрывал из себя радужного хозяина, принимающего друзей.— Керк? Сара?

— У меня этот еще почти полный,— ответила Сара.

— Не позволяй никому перебивать себя, Сар,— вмешалась Этель.— Право же, это захватывающе интересно. Занятой, чем ночное эстрадное обозрение,— я, вероятно, смотрела бы его сейчас по телевизору, не будь здесь тебя.

— Если ее когда-нибудь утомит газетная работа, она сделает карьеру как выдающаяся романистка,— подхватил стоящий у бара Фред.

Сара почувствовала: сопротивление их нарастает; они, видимо, черпают друг в друге моральную поддержку; вместе они куда опасней, чем были бы поодиночке. И она встретила эту опасность во всеоружии.

— Я думаю, вам всем не вредно будет выпить,— сказала она.— К несчастью для вас, Оливарес оказался честным человеком и патриотом. И вы не сумели подкупить его, даже подсунув ему Барби. Когда он узнал от своего правительства, кто этот

американец, у которого конфисковали ранчо, то, безусловно, заподозрил неладное. Вероятно, по нему это было видно, и вы встревожились. Вот тут-то, должно быть, Керк и совершил роковую оплошность.

— Не понимаю, о чем ты,— пробурчал он.

— Так-таки не понимаешь? Ты почуял, что, если Оливарес не захочет действовать по вашей указке, у тебя самого могут быть неприятности. И ты решил перестраховаться. Для того и пошел к Тому.

Чивер с любопытством взглянул на Керка.

— Да, Джерри,— сказала Сара.— А ты не знал? Керк действовал на два фронта. Он мне сам рассказывал, что убеждал Тома написать статью, в которой доказывалось бы, что в затягивании переговоров повинен Оливарес. Надеялся, видно, что Том поверит, будто Оливарес подкуплен генералом Сильвестре и поэтому делает все, чтобы новое правительство не получило займа.

— Правильно,— сказал Керк.— Именно так я и думал. И, понятное дело, хотел, чтобы Оливарес был разоблачен.

— Если бы Том попался на твою удочку,— продолжала Сара,— если бы он поставил под сомнение лояльность Оливареса, тот был бы дискредитирован. Ведь в Вашингтоне Том пользовался всеобщим уважением как честный, добросовестный журналист. И сколько бы потом Оливарес ни старался доказать свою невиновность, ничто бы ему не помогло. Верней всего, патагвайское правительство его отозвало бы. Переговоры зашли бы в тупик. Вопрос о твоём ранчо, Джерри, сразу бы потерял остроту, а сам Керк избежал бы возможных осложнений.

Керк развел руками, всем своим видом выражая отчаяние.

— Ну что ты будешь делать с этой женщиной, как она все выворачивает!

Сохраняя то же ласково-беззаботное выражение лица, Фред налил всем еще раз и вернулся на свое место.

— Но в одном ты просчитался, Керк,— снова заговорила Сара.— Ты недооценил профессиональной честности Тома. Вы с ним были приятели, это так, но он ни за что не опубликовал бы в печати твою версию, не дав предварительно твоей жертве возможность оправдаться. Вот он и пригласил Артуру позавтракать с ним, выслушал его и поверил не тебе, а ему. Как же вы все переполошились!

— Этель права,— объяснил Керк.— У тебя форменная неврастения, а то и что-нибудь похуже.

— Больше тебе уже нечем крыть, да? Довод слабый. Когда мы найдем Оливареса, все выйдет наружу. В своём последнем письме Том писал мне, что напал на след документа, который все прояснит. Должно быть, вы обезумели от страха,

когда почуяли, что Том обо всем догадывается. А может, он и сам вам об этом сказал. Это было бы так похоже на Тома — заранее предупредить обо всем людям, которых он когда-то считал своими друзьями. Ну, а вы всё между собой обсудили и, так как Том стал для вас опасен, решили его убрать.

На лице Фреда, до этой минуты таком спокойном, вдруг отразился ужас. Он залпом допил свой стакан.

— Фред! — резко бросила Никки. — Ты что, напиться решил?

— Но ему действительно необходимо выпить, — сказала Сара. — Видимо, до него только сейчас дошло, как все это было на самом деле. — Она невольно повысила голос. — Так вот, убийце прежде всего надо было решить, как все это проделать. Убить Тома у него же в доме — слишком рискованно. Значит, ясное дело, надо позвать его сюда. Но опять-таки нельзя, чтобы Том умер здесь, у вас; надо найти какое-то медленное действующее средство, чтобы смерть наступила уже после того, как Том отсюда уйдет, и чтобы все это выглядело как результат несчастного случая. Вот тут-то убийцу и осенила блестящая идея: столбняк! Все знали, что как раз незадолго перед этим ваш садовник болел столбняком. У вас в семье, конечно, было немало разговоров об особенностях этой инфекции. Одному из вас было известно, что если ввести столбнячную бациллу в большом количестве прямо в кровь, то жертву уже не спасет обычная доза сыворотки. Правильно я говорю, Фред?

Фред дернулся. Он открыл было рот, но тут же снова закрыл его. Раздался резкий голос Этель:

— Ну, довольно испытывать наше терпение! Ты и так отняла у нас массу времени. Если ты вообразила, что тебе что-то известно, выкладывай.

— Да, мне кое-что известно. Скажем, насчет агар-агара. Фред объяснил мне, как готовится культура столбнячной бациллы. Берется некоторое количество этой самой бациллы (а она есть в удобрении, которое применял ваш садовник), помещается в пробирку с агар-агаром, и через три дня к вашим услугам смертоносное зелье. Верно я говорю, Фред? А этот самый агар-агар — студенистая масса из морских водорослей — ввозится из Юго-Восточной Азии. Там его употребляют в пищу. В Джакарте агар-агар продается в лавках, я сама видела. Яванцы добавляют его к супу. Удивительно нежная консистенция того супа, которым ты, Этель, сегодня потчевала гостей, — это от агар-агара. Пиланг получает его с Явы в особых жестянках. Когда я спросила его, не обнаружил ли он с полгода назад пропажу одной такой банки, он сразу заволновался. Как знать — может, он тоже кое о чем догадывается.

Джерри рассмеялся, потом весело проговорил:

— Вот это, Сара, уже просто свинство! Обвинять нас в убийстве, это еще куда ни шло. Но расстраивать любимого повара Этель — нет, это неопиcуемая гнусность!

Взглянув на Чивера, Никки кивнула — хотя его острота явно не дошла до нее — и гневно направила на Сару указующий перст, словно желая проткнуть ее носковозь:

— Вот какую змею мы пригтели у себя на груди!

С трудом сдерживая улыбку, Сара все тем же твердым голосом проговорила:

— Да, Никки, и на какой пышной груди! Я даже раздумывала: а не тайлась ли в этой самой груди страсть, которая и привела Тома к гибели? Ведь, как жена врача, ты достаточно осведомлена, чтобы приготовить культуру столбнячной бациллы. Но для убийства надо побольше изобретательности, чем у тебя. И все-таки ты тоже приложила тут руку. Эта твоя прогулка по саду с Артуро... О, я уверена, Фреду о ней известно, так что я не открываю ничьих секретов. Да и вообще я не собираюсь деликатничать. Впрочем, не хочу быть к тебе несправедливой: вряд ли ты ставила себе целью отбить у дочери возлюбленного. Я предпочитаю думать, что дело не в этом: ты знала, как важны для Джерри отношения с Оливаресом, и очень встревожилась, когда он к вам переменялся. Вот у тебя и возникла мыслишка, что Барби не сумела его удержать и что тебе скорее, чем ей, удастся сохранить его для семейства Чиверов.

На мгновение наступила мертвая тишина. Потом Никки вскочила со стула и хлестнула Сару по щеке. Ударить ее во второй раз она не успела: Керк сзади схватил ее за руки. Стремительно повернувшись к нему, Никки с бешенством вырвалась и опрометью выбежала из комнаты.

Вслед за нею выскочил Фред, и вскоре остальные услышали ее вопли: она кричала на мужа. Постепенно все взгляды снова обратились к Саре — она продолжала сидеть, держась рукой за пылающую щеку.

— А я все-таки недооценивала Никки, — негромко сказала она. — Значит, в ней есть кое-какая сила!

В салон вошел Фред, весь вид его выражал смущение.

— Она пошла вверх, — пробормотал он.

— Садись, — приказала ему мать. — Сара, извиняться перед тобой за Никки я не намерена, у меня и у самой руки чешутся дать тебе по физиономии.

— Но у тебя на каждом пальце по бриллианту, это же форменные орудия уничтожения. Нет уж, Этель, пожалуйста, не надо. Дай мне еще минуты две, чтобы закончить, — это будет, по-

жалуй, самое разумное. Потому что теперь я хочу показать, до чего хитроумно действовал убийца. Подмешал Тому в виски снотворное. Потом вышел в сад и стал его поджидать. Несколько раз включал карманный фонарик, чтобы Том пошел на свет и наткнулся на розовые кусты. Держал наготове шприц. Нужно обладать недюжинной изобретательностью, чтобы до такого додуматься: оцарапать Тому руку выше запястья — в расчете на то, что никто не догадается сразу заглянуть ему под рукав, — а потом впрыснуть в середину царапины большую дозу столбнячной бациллы. Вот тут опять пригодился карманный фонарик. Да, весь план был тщательно разработан — здесь явно действовал человек, привыкший продумывать заранее все, до последней мелочи.

— Слушай-ка,— перебил ее Керк.— Последний раз предупреждаю: подумай, что ты затеваешь.

— Дай мне договорить, Керк. Сперва у меня мелькнула мысль: может, убийца ты? Ведь ты же выходил в сад якобы для того, чтобы поискать Тома, а Никки и Артуро обнаружили его уже позднее. Вот я и решила: расскажу тебе откровенно о своих подозрениях — может быть, ты чем-нибудь себя выдашь. Но по тебе ничего не было видно; тогда я сопоставила факты и поняла: нет, Керк Норвин чересчур осторожен, чтобы пойти на такой риск, как убийство. Джерри и Фреда на это тоже не хватило бы: тут требовались министерская голова и железная хватка.

— Значит, остаюсь я,— заявила Этель.— Ну что ж, Сара, я тебя выслушаю — это и впрямь забавно; но только прошу тебя, покороче. Мне пора в постель, я совершенно измотана.

— Еще бы, Этель! Снотворные тебя не берут, так ведь? Кстати, что ты подмешала Тому в виски, когда стояла с ним в баре,— то же снотворное, какое принимаешь сама? Ну, сперва ты, разумеется, измельчила таблетки и развела их в воде... А все-таки, знаешь — не следовало тебе говорить всем вокруг, что Том напился. Керк догадался, в чем дело, и Том тоже. Именно эта твоя ложь насторожила и меня. И еще — эта сплетня, будто я порвала с Томом. Тебе просто хотелось в это верить, не правда ли? Ты надеялась, что я не приеду в Вашингтон — для чего мне бередить старую рану и задавать людям щекотливые вопросы?

— Фантазия у тебя богатая,— бросила Этель.— Но не кажется ли тебе, что все это как-то притянута за уши?

И она с улыбкой поглядела на мужа. Остальные так и замерли. А Сара продолжала:

— Все, что нужно, Этель, было у тебя под рукой. Ведь во время приступов астмы ты сама вводишь себе адреналин — значит, у тебя есть шприц и ты умеешь делать подкожные инъек-

ции. Взять у Пиланга одну из жестянок с агар-агаром тебе проще, чем кому бы то ни было. Словом, все средства убийства были в твоём распоряжении. Нужен был только удобный случай. Ты и об этом позаботилась: ведь это ты подучила Джерри вывести Тома в темный сад, когда на него уже начало действовать снотворное. И сама туда вышла. А чтобы тебя не заметили, накинула темное пальто. Но как раз перед тем, как ты толкнула Тома на розовые кусты, пальто распахнулось — вот в этот момент Том и увидел какие-то блики. Может, это сверкнул твой парчовый жакет, когда на него упал свет из окон? Ты прихватила с собой карманный фонарик, чтобы посветить, когда будешь делать укол. Прехорошенький золотой фонарик в форме карандаша. Потом-то тебе, разумеется, захотелось от него избавиться, вот ты и подарила его Керку на рождество.

— Опять ты говоришь грубости,— перебила ее Этель.— Ступай домой, Сара. С меня довольно. Давайте все допьем — и по кроватям.

Ее громкий голос прозвучал решительно и властно, и когда она подняла свой стакан, на пальцах ее засверкали крупные бриллианты.

У Сары пересохло во рту. Она повертела синий стакан в руках и, хотя кубики льда в нем давно растаяли, поднесла его к губам.

— Я тоже устала, Этель. Очень устала. Конечно, вы можете разойтись, удержать вас я не в силах. Но тогда меня выслушают в другом месте. Так что вам прямой смысл дослушать до конца. Ты, Этель, умелая и толковая женщина. И убийство организовала толково. Тебе пригodiлось, правда, и то, что в войну ты добровольно работала в госпитале — как-никак медицинская практика. Должно быть, все кругом восхищались — до чего же ты благородно поступила, вызвавшись ухаживать за Томом, пока для него не подыщут сиделку. А на самом деле ты просто боялась — вдруг сыворотка, которую Тому ввел Фред, все-таки окажет действие и Том в конце концов выкарабкается? И не воспользовалась ли ты моментом, когда Том уснул под действием морфия, чтобы впрыснуть ему столбнячную бациллу еще разок, для пущей верности? Это так на тебя похоже — никогда ничего не оставлять на волю случая. В общем, ты чувствовала себя в полной безопасности. Лечил Тома твой собственный сын, так что если бы у него и возникли какие-нибудь подозрения, он держал бы их при себе. На молчание Джерри ты, безусловно, могла рассчитывать. Ну, а ты, Керк,— ты ведь тоже догадывался, в чем тут дело, а? Потому и решил все валить на Оливареса. Не мог же ты испортить Этель всю музыку — вы с нею связаны одной веревочкой. Вот вы все и вступили в молчаливый сговор, чтобы

прикрыть пустоту и продажность вашего мира. Ради этого вы согласны смотреть сквозь пальцы на что угодно, даже на убийство.

Сара потерла лоб, закрыла глаза и несколько секунд не открывала их, потом усилием воли заставила себя сесть прямо.

— Ерунда какая-то, вздор! — заговорил Джерри. — Это же все высосано из пальца. Ну, допустим, у Керка или у меня еще могли быть какие-то причины бояться Тома, но у Этель?

— Как раз тебе, Джерри, этого объяснять не приходится. Ты же лучше всех знаешь, в чем для Этель смысл жизни: ей необходима известность — только не скандальная — и всеобщее признание, и чтобы она могла воображать себя этакой могущественной личностью, делающей за кулисами высокую политику. Твои приемы, Этель, твой рыжий парик, твои бриллианты, твои фантастические одеяния — все это выдает тебя с головой. Скандал из-за ранчо — а может, даже расследование в одной из комиссий конгресса и судебный процесс — ведь это означало бы для тебя полный крах. Тогда уж прощай всё: и престиж, и приемы, и популярность, и бесплатная реклама, и влиятельные друзья. Именно это я и выдвину в своей статье как мотив убийства.

По накрашенному рту Этель прозмеилась улыбка.

— Знаешь, Сара, я думаю, ты не напишешь этой статьи, — сказала она. — Я даже уверена. — И, наклонившись к Джерри, добавила: — Не волнуйся, милый. Она не сможет причинить нам никакого вреда.

Джерри встретился с ней взглядом, глаза его широко раскрылись, он уставился на синий стакан, который держала в руке Сара.

— Да, Этель, — сказала Сара, кивая головой. — Джерри понял тебя. И я тоже. Я видела, какое у тебя было лицо во время нашего разговора в столовой. Ты, разумеется, почувствовала, что я могу докопаться до истины и поднять большой шум. Этому надо было воспрепятствовать любой ценой. Подмешать мне что-нибудь в виски, и дело с концом. А если потом, уже дома, меня найдут мертвой и установят, что причина смерти — отравление каким-нибудь самым обычным ядом, вот будет красота! Тогда ты сможешь с горестным видом говорить знакомым: «Бедная девочка, она была так ужасно подавлена, просто не в себе, мы все это заметили. Я боялась, как бы она не наложила на себя руки. Так оно и вышло». Удобный был бы выход, а, Этель? И устроить все это несложно. Разговор по душам в салоне, когда гости уже разойдутся. Переносный бар. Кроме меня, шотландского виски здесь не пьет никто, так что можно, ничем не рискуя, что-нибудь подмешать в бутылку, из которой мне будут наливать. Какое-нибудь снотворное — ну, хотя бы один из барбитуратов, —

предварительно растворив его; словом, то же самое, что ты подмешала Тому, но только на этот раз — смертельную дозу, и виски налить побольше, чтобы я не почувствовала привкуса. Тебе даже не пришлось бы самой наливать. Отраву мне подал бы кто-нибудь другой, так что никому и в голову не пришло бы заподозрить тебя. Ну, а потом ты, конечно, уничтожила бы и стакан и бутылку.

Фред бросил на мать полный ужаса взгляд; та, поднявшись с дивана, смотрела, не отрываясь, на Сарин стакан.

Сара протянула его Этель. Он был почти полный.

— Я ведь только делала вид, будто пью. Надо сохранить его для полиции. И бутылку тоже.

Поставив стакан, она направилась к бару. Этель вскочила, сбросила стакан на толстый ковер, устилавший пол салона, и раздавила его каблуком. Барбара вскрикнула. А Этель уже побежала к бару, перехватила у Сары бутылку и замахнулась ею, проливая виски на свой парчовый жакет.

Джерри схватил ее за руку.

— Опомнись, Этель!

— Ах ты, тряпка! — в бешенстве выкрикнула она. — Идиот несчастный! Ты что, дашь ей уйти? Она же нас погубит!

Все повскакали с мест, окружили Этель. Вдруг она выронила бутылку и, закрыв лицо руками, закричала протяжно и хрипло, словно раненый зверь.

Раздался негромкий голос Сары:

— Может быть, я пока и повременю с этой статьей. Все равно, вы же сами знаете, правды не утаишь — рано или поздно она выплывет наружу. Вот и живите с этим сознанием все — если сможете.

И, взяв свою сумочку, она вышла, не оглянувшись.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. Большой салон	3
Глава II. В кабинете Чивера	15
Глава III. Разговоры в саду	25
Глава IV. Яванский ужин	36
Глава V. У переносного бара	46

Элберт Карр

ВАШИНГТОНСКОЕ УБИЙСТВО

Н а о б л о ж к е. рисунок Е. Шукаева.

Редактор — **П. КРАВЧЕНКО.**

Технический редактор Я. Б о р и с о в.

А 00063. Подписано к печати 12/IV 1968 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆.
Объем 2,80 условн. печ. лист. 3,51 учетно-изд. л. Тираж 96 700 экз.
Изд. № 816. Заказ № 724. Цена 8 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Сберегательные кассы предоставляют возможность каждому гражданину, независимо от того, является он вкладчиком сберегательной кассы или нет, внести свои деньги и получить именной документ — аккредитив.

● Аккредитивом можно воспользоваться при переезде из одной местности в другую, при поездке в отпуск, путешествии, командировке.

● Деньги, внесенные на аккредитив в сберегательной кассе одного города или района, могут быть получены их владельцем в сберегательной кассе любого другого города и района.

● Сберегательные кассы выдают аккредитивы трех видов: на любую сумму до 500 рублей, в 300 рублей и в 500 рублей.

● Аккредитивы на сумму до 500 рублей оплачиваются сразу полностью.

● По аккредитивам в 500 и 300 рублей деньги выплачиваются в зависимости от желания их владельцев — сразу в полной сумме или по частям, в суммах, указанных на каждом из пяти ордеров, имеющихся в аккредитивах этого вида. Например, по аккредитивам в 500 рублей можно получить сумму в 100, 200, 300 рублей и т. д., по аккредитивам в 300 рублей — 60, 120, 180 рублей и т. д.

● Владельцу аккредитива выдается два документа — аккредитив и контрольный лист к нему, которые следует хранить раздельно, чтобы при утрате одного из них было ускорено решение вопроса о выплате денег.

● Оплата аккредитивов производится сберегательной кассой по предъявлении его владельцем паспорта или заменяющего его документа.

**ПОЛЬЗУЙТЕСЬ УСЛУГАМИ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ
КАСС!**

Управление гострудсберкасс
и госкредита РСФСР